

Tolmachev A.V.

АНТИБОГ

«...мы приговариваем Тебя к высшей мере наказания – к смерти через распятие.

Ибо Ты от нас зависишь – умрем мы, умрешь и Ты...»

«Возможно, именно поэтому наша цивилизация зашла в тупик в своем развитии – мы разучились говорить правду,

мы стали христианами...»

Экзекуция первая

«Что есть истина?»

Евангелие от Иоанна

Cuique suum

(каждому свое)

1.

Христиане вопросы об истине связывают с вопросами своей веры и религии. В этой книге я хочу показать свое несогласие с такой позицией. Эта работа – литературная могила автора без надгробия, самораспятие моей религиозности. Она не для мягкотелых и изнеженных натур: я пишу остро, откровенно и часто агрессивно, о чем я заранее прошу прощения. Я бывший христианин. Некоторые читатели найдут в этой фразе приговор для меня, увидят метафизический тупик в развитии моей личности. Смею вас уверить, что это не так. Для меня это освобождение ото лжи самому себе. Мои идеалы и кумиры находились в закате, и этот закат не был смертью моего «Я», как это неизбежно представят себе христиане, а рождением нового «Я», честного к себе и другим людям. Христианство не имеет права претендовать на какую-либо истину, даже не имеет права помышлять о ней, так как говоря о религии и истине, христиане в первую очередь понимают религиозную веру...

2.

Что есть религиозная вера? Уверенность в существовании того, что ненаблюдаемо. Вера в Бога постоянно подпитывается извне – постоянным чтением Библии, постоянным хождением в церковь, молитвами, изнуряющим и скучным аскезом и пр. Многие христиане утверждают, что если они прекратят эти действия, то «отпадут от Бога». Постоянное насилие над своей волей искусственным погружением в христианскую атмосферу, культивирование божественных идеалов в жизни – все это неотъемлемая часть христианина. Это напоминает скорее самовнушение, чем реальную истину – «я хочу, чтобы все так и было». Насколько такие позиции являются вместилищем истины? Безусловно, что их Бог живет только на страницах библии, вследствие чего многие создали для себя иллюзию – иллюзию другого, невидимого мира, называемого христианством. Человек стал бумажным, равно как и его христианская жизнь, библиоцентрированной, узколобой и лживой в их религиозной самости. Это и есть христианское мировоззрение. В принципе, это даже не мировоззрение, а трусливый бег от действительности. Подобная вера есть ни что иное, как сон. Христианская вера подобна иллюзии наркомана, не способного трезво взглянуть правде в глаза. Человек создал свой маленький мир с могущественным Богом в центре Вселенной, имя которому не Иисус, а Человек, Это. Христианство есть своего рода проекция *желаемого* на действительность, чем сама действительность. Очень часто можно услышать, как христиане говорят, что религия, вера, есть сама жизнь. Безусловно, налицо элементарная подмена понятий, возможно даже, что утрата связи с реальностью, когда реальный мир подменяется вымышленным.

Человеку, слабому и пугливому, необходима вера в того, кто его сильнее, умнее, могущественнее, значимее, правильнее. Трансцендент есть точка отсчета собственным неудачам и промахам, психологическая модель, которая реально способна вывести индивида из личностного кризиса. Бог предстает в виде некоего громоотвода, который как бы оттягивает на себя все беды и разочарования, а самое главное – вину. Бог – это искусственная конструкция, одно из величайших изобретений человеческого разума. Грандиозная по своему размаху психологическая методика помощи человеку в преодолении собственных жизненных трудностей. И главным её элементом выступает вера. Не Бог, а именно вера в Бога. Для многих вера и есть Бог. Вера обожествлена, и уже становится не важно, есть ли Бог, или Его нет. Остается важным то, есть ли у тебя вера, или ее нет. Если посмотреть пристально на сущность христианства, становится очевидным, что не Бог, а непосредственно религиозная вера есть *differentia specifica* любого христианина.

3.

Веру доказать невозможно. Христиане не особо и хотят доказывать подобные вещи: слишком лакомая конфета эта вера. Как поверить? Очень просто: выберите удачное время – желательно, когда у вас серьезные проблемы, - затем осознайте свое бессилие перед проблемой, невозможность ее разрешения. Затем последует разочарование – и тут вас «осеняет», что в вашей жизни не хватает Бога! Вот он, выход из проблемы: моментально принимается идея Бога, и человеку уже легче справляться с собственными неудачами. Он иллюзорно начинает «питаться» силой Бога, проецируя в своем бездонном сознании картины надежды и радости, рисуемые на страницах священных писаний. Проходит некоторое время, и этот человек хочет больше узнать об этом Боге, который так удачно подвернулся ему на нелегком жизненном пути.

Однако далее происходит интересная ситуация: с течением времени человек начинает терять «связь» с Богом. Этот человек более не испытывает удовлетворения от молитв, чтения Библии и прочей духовной литературы, не испытывает удовлетворения от общения с себе подобными. Почему? Взрослея сам, он начинает понимать, что его Бог не взрослеет вместе с ним. Его представление о Боге теперь кардинально начинает расходиться с теперешней жизненной позицией и достигнутым опытом. Однако он все еще пытается решать проблемы внутри старой системы ценностей, не понимая (и не стараясь понять), что он уже вырос из детских «штанишек», именуемых красивым словом – обращение. Теперь он начинает задавать вопросы, пока слабо и неуверенно, и ждет ответов из пустоты, которая начинает плавно наполнять его нутро. Где Бог? Почему Он меня оставил? Такие вопросы начинают рвать его душу на куски, а вопросы продолжают накапливаться и усложняться. Теперь человек осознает, что его система взглядов, его нынешняя христианская парадигма не способна ответить на эти вопросы, равно как на самый главный вопрос – где же Бог? Все его молитвы наполняются пустотой и смятением. Человек начинает остро испытывать духовный дефицит, он начинает «голодать». Поиск Бога становится смыслом жизни и в итоге остается два пути: либо менять мировоззрение, либо создавать подпорки существующим взглядам и пытаться влезть назад в детские штанишки. Человек начинает усиленно искать *оправдание* Богу, строя в голове ассоциативные ряды, причинно-следственные цепочки, ища объяснения проблеме *нечувствования* Бога где угодно, только не в своей христианской матрице. Он не хочет просыпаться, отказывается расти, не желает вырваться из своего мира, в котором ему когда-то было так хорошо.

Одни действительно остаются христианами, только уже умеренными, не распаленными, как в первую пору обращения. Теперь они осознают, что в определенный период времени на пути их духовного развития возникла какая-то аномалия. Однако они оказались слишком напуганы возможностью отпасть от религиозной системы ценностей и столкнуться лицом к лицу с этими аномальностями. Они не стали анализировать аномалию, сделав вид, что все хорошо. А аномалия – явление бесовское, дьявольское, не заслуживающее внимания. С течением времени *понимание* того, что сваливание на дьявола есть всего лишь следствие собственной трусости, отговорка, *забывается*, как и сама аномалия. То же ждет и другие аномалии на их жизненном пути. В итоге подобное восприятие аномальных отклонений в рамках религии просто притупляется, и человек становится физически не способен к осознанию и выявлению каких-либо проблем внутри своей системы взглядов, очерченной христианским учением. Данный человек добился желаемого: он выстроил абсолютно совершенную, внутренне и внешне не противоречивую модель мира с реальным Богом во главе своей жизни! Человек визуализировал Бога и сделал проекцию на действительность, в рамках которой аномалиям уже нет места. В противном случае всегда все можно свалить на сатану. В подобных конструкциях человек живет до конца своих дней, охраняя свой мир от внешних посягательств. Бегство от правды жизни, от реальности смерти и осознания небытия! В целях наиболее продуктивной деятельности он объединяется с себе подобными, и сие уже называется религиозной общиной, церковью. По сути, сие есть христианство, во всей своей красе и лживости, во всей своей убогости и иллюзорности, во всем своем стремлении задурманить человеческое бытие и сделать из человека дегенеративного уродца, получеловека, раба божьего.

Однако есть и те люди, которые не обошли эту аномалию стороной. Заинтересовавшись, они смело поставили вопросы, и подошли вплотную к ее сути. Человек начал осознавать, что произошло что-то, не вписывающееся в его мировоззрение. Что-то, что показывает неадекватность его веры, нечто такое, что не описывается, а иногда и просто привирается христианством. Такие люди становятся изгоями в среде христиан. Им постоянно грозят пальцем, призывая все принять на веру и покаяться, не понимая, что тем самым подстегают их любопытство. В итоге человек начинает понимать, что все это время Бог жил в его сознании, которое умело проецировало его желания на действительность. Человек начинает искать истину...

4.

Рассказы христиан об истине крайне любопытны. Однажды я услышал следующее утверждение от одного авторитетного христианина: «Вся жизнь верующего заключается в том, чтобы оттирать то мутное стекло, о котором говорил ап. Павел». Я поражаюсь, насколько христиане живут иллюзорными и абстрактными идеями! Христиане даже боятся помыслить, что в действительности происходит обратный процесс - затирание собственных сомнений. Не побоюсь сказать, что эта «мусть», эта грязь на стекле и есть христианство. Это даже и не стекло, а зеркало. Христиане так уверены, что смогут стереть данное пятно на зеркале собственного сознания. Но что они увидят в отражении? Себя, Его! А ведь здесь коренится большая проблема: там, где увидел себя, уже не будет места *христианской* вере. Будет другая вера, но не христианская. Поэтому им необходимо постоянное действие (например, предложенные религией причастие и молитва как наиболее легкие варианты), но до той поры, пока не затрешь свое зеркало до дыр, при этом вопрошая: Господи, неужели *ты - это я?* Выход? Найти новое зеркало – сие называется

эволюцией религии. Христианство не осталось в стороне: тысячи зеркал-конфессий, одни большие и в золотой раме, другие меньше и скромнее - и все грязные! Хватит на всю жизнь, еще и останется потомкам. Человек их трет, пока в отражении не начнет улавливать некую картинку. Наконец-то он начинает видеть, что по ту сторону зеркала. Христианин возбужден, ведь он увидел часть королевства кривых зеркал, открытие тайн божьих уже рядом! Христианин начинает тереть сильнее - открылся еще один кусочек реальности. В итоге рано или поздно христианин вычистит все зеркало - и увидит свое отражение. Тут он обнаружит, что путь, по которому шло его духовное очищение, был путь скепсиса, путь очищения от грязи своего зеркала души. Вера? Безусловно! Это христианский катализатор - именно вера подвигает христианина к действиям. В противном случае христианина ждет застой - метафизический коллапс. А в глубине себя они этого боятся. Однако я свое зеркало вычистил - теперь я могу быть честным! Я утверждаю, что если человек начнет чистить данное зеркало собственной души добросовестно, до блеска, то увидит свое отражение. Вот он - образ и подобие Бога! Поэтому не человек является образом и подобием Господа, а наоборот - Бог всего лишь образ и подобие человека. Небольшая поправка в данном случае решает все! Истина действительно была человеком, и она распята, безоговорочно и безапелляционно. Так и христианин, который находит в себе мужество взглянуть в самое страшное - в самого себя - уже не есть христианин, а скептик, распинающий в самом себе свои идеалы и образы. На смену «истине» приходит Истина.

А вера? Здесь самое интересное. Далее происходят несколько вариантов развития. Наиболее простой - замазать свое зеркало обратно - и сделать вид, что ничего не случилось. Тогда подобная вера всего лишь инструмент в заглаживании собственной трусости. Есть другой вариант - обожествление человека, т.е. своего отражения. Это труднее, ибо христианину придется совместить идею божественности с идеей пленного человека (интересное и парадоксальное учение христианства о Богочеловеке). А вот самый трудный способ - признать реальность. Далеко не все это выбирают. Ко всему ужасу неизбежности в нашей жизни нужно подойти со смирением. Однако не с тем покорно-трусливым, какое культивируется в сознании человека христианством, а с гордым и бесстрашным, как велит мне мое Ego.

5.

Любая религия всегда, рано или поздно, но делает одну принципиальную ошибку. Данная ошибка состоит в *подмене* знания верой, а веры - знанием. Христианство не осталось в стороне. По сути, данной подменой сейчас умело занимаются креационисты и христианские теологи, в первую очередь. Здесь коренится одна деталь, которую видят не многие: если религия не делает такой подмены, она уже не является религией, а превращается в нечто другое, например в философскую школу (возьмем для сравнения буддизм, при всем желании некоторых превратить его в религию и при всем бессилии осуществить этот шаг). Христианство имеет единственный базис - точку отсчета - *вера!* При этом та же самая религия через энный промежуток времени впадает в самообман (это закономерность): *вера начинает выдаваться за знание, а знание за веру.* Происходит грандиозное смешение этих двух элементов, и становится невозможно сказать, где христианин верит, а где он знает. Поэтому все христиане кричат в один голос о своем знании (!) Бога, с другой стороны, они воздыхают, подобно креационистам, что в основе науки лежит вера. Bravo! Какая тонкая подмена, какой пассаж! Fiat lux! Право, креационисты удивительный народ:

утверждают, что все было сотворено за 6 буквальных суток! Простите, но даже кошки приносят приплод не за 6 суток – а они Вселенную хотят вместить в эту периодику. Это один из примеров того следствия, причиной которого является ситуация, когда человек начинает свою распятую «истину» выдавать за знание, подгоняя факты под Библию и Библию под факты. Это, безусловно, чистейшая спекуляция. Право, не видать нам прогресса и позитива с такими подменами...

Другая заманчивая матрица для христианина, способствующая поддержанию собственных иллюзий, – церковная обрядность, богословие (которое так рьяно и лживо теологи хотят выдать за философию) и чудеса. Я утверждаю, что существующая церковная обрядность (таинства, богослужения и пр.) и теология являются своеобразными "ловушками" сознания. Данные явления предназначены для того, чтобы "поймать" сознание человека, его Ego, в ловушку христианской иллюзии. Сделать наиболее продуктивную, по сути, псевдореальную кибернетическую модель некоего контакта человека с Богом (для некоторых христиан – с богами! Да-да, есть и такие овцы в этом стаде!). Эти ловушки «успешно» разрешают вопрос знания и веры в жизни христианина. Поскольку Бог существует только в рамках сознания человека, рано или поздно возникает конфликт личности - борьба знания и веры. Чтобы вырваться из данной проблемы (назовем ее "проблемой аксиоматики"), религия создает данные ловушки, дабы отвлечь сознание человека от данных фундаментальных проблем – создать иллюзию знания и истинность веры. Создать реальную жизнь Бога среди людей. Ведь если хотя бы один раз христианин всерьез коснется этой проблемы своим чистым, не захламленным христианством разумом – он уже не будет христианином. А церкви, разумеется, лишатся десятины.

Самая интересная для анализа ложь – ложь чудесности. Эта ложь, на мой взгляд, является одним из фундаментальных оснований христианства – чудеса подкрепляют и удостоверяют веру христианина. Такое удостоверение необходимо для любой религии, тем более для христианства. Жизненно важно найти критерии истинности вне сознания человека, реальные и которые можно пощупать, ибо одними идеями сыт не будешь. По сути, представляемые якобы чудесные явления, априорно постулируемые как независимые от сознания человека (для примера возьмем благодатный огонь), есть, по сути, апелляция к объективности вне субъекта. Поэтому я считаю, что православие и католицизм более устойчивы к потрясениям и внутренним конфликтам как раз по этой причине - они апеллируют к чудесам. Поэтому они имеют больше шансов на "выживание" в конкуренции религий, в этом естественном отборе и борьбе за существование конфессий. Протестантизм не апеллирует к чудесам (по сути, у него их нет, за исключением истеричных харизматиков, которых так метко обозвали «трясунами») - протестантизм изъясил из своего учения подобные чудеса-ловушки, которыми люди того времени были пресыщены, предоставив чистую распятую «истину», по которой те же самые люди так изголодались. В определенный период времени это было воспринято исключительно высоко (16 век), однако далее цельный и монолитный протестантизм внутренне расщепился на элементарии (баптисты, харизматики, пятидесятники, адвентисты и пр.). Протестантизм обречен на вымирание, если можно сказать, что он уже не вымер. Путь православия и католичества по линии синтеза подобных ловушек, совмещения эволюционизма с теизмом и апелляции к чудесности (феноменам, выдаваемым за чудо, что, по сути, таковым не является, а то и вовсе к балаганным фокусам и психологическим приемам типа гипноза), на мой взгляд, является наиболее благоприятным. Данный путь является наиболее способствующим для выживания христианства в целом. Однако это ярый отход от Христа, т.е. отход от первоначального учения Христа и апостолов. Безусловно, что от этого

православие и католицизм *религией* остались, однако изменчивость и отход в угоду собственной выживаемости - показатель их лживости и порочности. В этом я вижу глубокий парадокс религии и религиозной веры - они обязаны быть статичными, однако, дабы выжить, они обязаны эволюционировать, приспосабливаться к потребностям современной жизни. В таком ключе вера является *искусственным* элементом, которому можно обучиться, который можно внушить, даже без явной воли индивида.

6.

Искусственность...

За этим словом кроется парадоксальность религии. Собственно говоря, почему религия должна быть не искусственной? Однако когда данная искусственность принадлежит перу Бога – это одно. А когда искусственность принадлежит перу человека – это другое. Вся религия пропитана человеческой деятельностью, страхами, надеждами, мыслями и сомнениями. Все сие зиждется на вере – априорной уверенности в том, что весь религиозный продукт все же принадлежит перу Бога. Безусловно, в любой религии принижается роль человека – практически отрицается его Гений, приводящий к способности творить и создавать. Неужели Библия уступает в своей красоте и гениальности «Отверженным» В.Гюго? Или «Войне и миру» Л.Толстого? Или «Властелину колец» Толкиена? Или Авестам, Трипитаке, Корану? Неужели человек не мог создать себе Бога? Я отказываюсь это признавать. Парадоксальность религий коренится и в том, что все они в один голос обвиняют друг друга в этой искусственности, забывая в одночасье о том, что в центре религии, так или иначе, находится человек. Странно видеть подобную антропоцентричность. Любая религия направлена непосредственно на человека. Апелляции к разуму, религиозная практика, учения, мифы и легенды, чудеса и балаганные фокусы – цель всего этого привести человека к Богу. И здесь ключевую функцию выполняет вера – именно вера является концом религиозных алгоритмов.

В принципе вся религиозная вера коренится на одном гениальном слове – «потом». Почему это слово, а не другое? Потому, что оно дает надежду, без которой человек не способен полноценно жить. Гениальная связка «вера, надежда, любовь» давно уже используется христианством. По сути, это формула религиозного счастья. При этом вначале нужно поверить, затем вы автоматически начинаете надеяться, а затем вы, так же незаметно для себя, начинаете любить. Второе вытекает из первого, третье вытекает из второго. Сказав однажды, что Бог есть любовь, христианство тем самым стало наиболее реальной и наиболее адекватной и приближенной к действительности религией в мире, т.к. оно нашло гармонию между верой и отсутствием Бога в мире. Гармония заключается в счастье человека, которое синтезируется из этих трех компонентов: веры, надежды и любви. Все силовые ресурсы для «духовного» скачка человека берутся из веры и представления человека о Боге, который удивительным образом вырастает на плоскости сознания и как бы визуализируется человеком. Безусловно, нельзя обойтись и без «чудес» - этих независимых от сознания человека явлений, традиционно приписываемых Богу. С расширением познания человека расширяются сущности чудес. Главное же свойство чуда, без которого оно теряет свою чудесность, – непосредственное отсутствие рационального объяснения. По наступлению момента (а он наступает, рано или поздно), когда «чудо» объясняется с точки зрения рации, оно теряет свою чудесность и переходит в разряд

заблуждений и мифов религии. Однажды Дж. Бруно высказал гипотезу о множественности миров, за что был сожжен на костре. В то время его гипотеза не вписывалась в копилку чудес христианства. Однако гений Эйнштейна сделал эту гипотезу вполне реальной. Например, согласно следствиям из теории относительности Эйнштейна, внешне наша Вселенная вполне может напоминать частицу. Современная наука уверенно говорит о принципиальном существовании других форм жизни во Вселенной. По сути, физика XX века показала нам, насколько глубока кроличья нора Кэрролла. Теперь христианство, безусловно, понимает: для того, чтобы остаться на коне, оно просто обязано совместить идею Бога с этой и подобными гипотезами и теориями науки XX-XXI века. Почему? Потому что научный прогресс начинает вырывать из копилки чудес христианства ее содержимое, а это безусловное обнищание религии, которое рано или поздно приведет ее к гибели. И христианство синтезирует – уже одно то, что оно пытается совместить веру в Бога с эволюцией, творение с происхождением от обезьяны (!), говорит об этом. Хочется отметить преданность креационистов Библии. Однако это все равно отход от пресловутого первоисточника № Христос, т.е. учения Христа – чем не обмирщение?

Несомненно то, что в настоящее время религия идет вслед за наукой. Несомненно и то, что вера идет вслед за радио. Несомненно и то, что подобная вера с самого начала обречена на искусственность. И именно поэтому вера - явление крайне человеческое, и, что самое удивительное, исключительно прекрасное: человек создал Бога.

Таким образом, о какой религиозной истине вообще можно говорить? Это фантазма, ее нет_ и не может быть. О каком христианстве говорят христиане? О каком Христе? Кто они? Где их истина? Она поругана и распята самими христианами. Все христианское богословие не более чем гипотеза *ad hoc*, а все христианские аргументы есть *argumentum ad hominem*, не более. Прав был Ф. Ницше, когда писал в своем «Антихристе», что «...все они поступают, как бабенки: «прекрасные чувства» принимают они за аргументы, «душевное вздыхание» за воздухоудку Божества, убеждение за критерий истины». Все рассказы христиан об истине есть чистейшая ложь, построенная на порочном круге и на собственных чувствах и желаниях. Так кто вы, христиане? Где ваш Бог?..

7.

Бог умер, господа! Да здравствует Бог!

Смерть богов – явление довольно занимательное для историка и философа. Теологи, притом консервативные до метафизического ожирения, не могут вместить в себя идею «смерти богов» - им это кажется верхом кошунства, верхом заблуждения и упадка. Однако Бог умер! Это признают даже эти закаменелые богословы – Христос умер. Да здравствует Христос!

Христианство – это извращенная шахматная партия Бога, партия, где играют друг с другом телепаты, а вернее Бог играет с самим собой. Теологи пытаются до сих пор решить эту проблему, забеляя сырую стену «пешкости» человечества идеями о божеской любви и благодати. Дамы и господа, мы пешки в этой партии, не более. Все давно известно и предугадано этим Богом. Хочу сразу сделать существенное замечание: я не против метафизики (как был абсолютно против Ницше) – я против лжи и заблуждения, против некой интеллектуальной слабости, которую я наблюдаю в религиях. Религия, по сути, есть борьба с естественным, борьба с инстинктами – а

точнее с неизбежностью. Не только борьба, но и потаенная надежда. Надежда на превращение веры в знание, т.к. кроме веры ничего не остается – ибо познать *это* невозможно.

Какое жалкое зрелище – христианин, притом бездумный и глупый. Есть среди христиан глубокие думающие люди, но таковых довольно мало, они составляют абсолютное меньшинство. Но это меньшинство составляет активно ядро – именно это ядро зажигает остальных и поддерживает этот христианский огонь. Внешние, не имея ядра, в скором времени гаснут. Внешних очень много, это множество составляет церковь, а ее ядро – ее вождь, пастор. Любая статистика в данном случае не нужна – достаточно вникнуть в проблему. По сути, внешним присущ элемент стадности, некое подобие животного пастбища. Человека в этой массе мне довольно сложно охарактеризовать как христианина: он крайне гетерономен, и верит не во Христа и христианские ценности, а в веру своего вождя. Он верит, что вера их лидеров истинна...

8.

Как случилось, что на некоем промежутке истории произошло обожествление человека? Необходимо постулировать, что воскресение Христа произошло исключительно в сознании некоторых, убедивших себя до безумия в истинности этой иллюзии. Вера, по сути, очень близко стоит по своим категориям к такому понятию, как «убеждение». В христианстве они стали синонимичными понятиями. Вообще история как наука вещь довольно неточная, допускающая множество мнений. Одно из этих мнений (пишу это с глубоким презрением – данное убеждение вовсе не есть *мнение истории*, а просто вольнодумство гонимых апостолов) – безусловная историчность воскресения Христа. Это разговор ни о чем – с точки зрения той же самой истории, воскресение Христа не является *историческим* фактом. Фанатичность свидетельств последователей Христа не есть *историческое* свидетельство, ибо убежденность фанатика лежит вне критериев истины и лжи. В принципе, убедить человека можно в чем угодно – всегда такой человек будет неспособен найти объективные критерии истинности своего убеждения. Такой человек будет всегда отводить свой взгляд от себя, ибо именно там коренится разгадка данной загадки – загадки веры и убеждения. Вера – это наиболее действенная заплатка проблемных дыр на теле христианства, ей пользовался сам Христос, а затем и его последователи.

Христианство на первоначальной поре есть глубокая априорность, подпитываемая силой убеждения. Подстегиваемая желанием слабого и униженного человека найти вместилище собственного добра, это желание породило Христа, богочеловека – из распятого и униженного человек стал высоким и божественным. Такой шаг есть желание человека стать Богом. В этом есть некая похвала, но есть и некое отрицание собственной силы. В принципе, можно сказать, что Бог есть памятник несовершенства и слабости человека. В лице Христа невозможное становится возможным. Грандиозная модель восприятия окружающего мира сквозь призму божественно-иллюзорного начинает свою работу в жизни обращенного. Но в этой фантазме человек всегда будет побочным элементом – рабом. Перифразировав, скажу, что Бог не потерпит конкуренции в лице человека, так же, как на кухне не может быть двух хозяек. В истории человечества происходят не только общественные революции против тирании и засилья рабства – в метафизическом плане также происходят свои революции. Человек начинает жить естественной жизнью, отказываясь от порабощения собственного сознания матрицей религии.

Интересно, насколько тонкая надстройка христианство. Эта модель уникальна, вырабатывалась лучшими умами человечества на протяжении веков. Но все, чего оно добилось – вытаскивание потаенной нравственности из нутра человека. Да притом сделало человека вором собственной добродетели, присвоив эту добродетель христианскому Богу. Какая жалкая ирония. Ницше был неправ, унижая и принижая человеческое сострадание и добродетель. Мне кажется, он просто бил мимо цели, размышляя подобным образом. Добродетель присутствует в мире так же, как и сострадание. Но эти качества являются настолько же естественными, насколько естественны зло и порок в мире. Все эти качества есть порождения только лишь человека. Это крайне банальное и реалистичное заявление, так забытое и так оболганное многими теологами.

Когда я смотрю на церковные изображения Бога, на церковную символику – меня охватывает печаль. Как человечен ваш Бог! Вот он, сидит на облаках, с руками и ногами – сам Бог! Какая ирония. Извечное противостояние веры и разума не может разрешиться – это две антитезы. Но они являются антитезами только тогда, когда в своем исследовании имеют общий предмет. Мне кажется, в эту ловушку попало христианство. Стремление христианства стать объединяющим элементом веры и знания породило такое смехотворное зрелище, как креационизм и прочую шелуху.

9.

Христианство поставило человека в зависимость от себя, выработало условный рефлекс, который я с таким трудом переборол в себе, чуть не сойдя с ума. Возведя в безусловную зависимость человека от Бога, христианство тем самым подписалось под самоубийствами многих отвергнутых и отошедших от этой пагубной религии людей. Видите ли, когда человек заявляет, что христианство ложно, он осуществляет распятие Христа в самом себе – он отказывается от «истины», которая доминировала в его сознании, возможно не один десяток лет. А что взамен? Ломаный грош – ибо христианство сделало из этого человека раба, поставило его на один уровень с животным, сделало его трусливым пресмыкающимся. Христианство повинно в самоубийстве таких людей, не смогших произвести катарсис собственной психики и смириться с истиной. Теологи постоянно вдалбливают мысль, которую я приравнял бы к преступлению и карал бы наказанием: без Бога нет в жизни смысла. Это чистейшее подталкивание человека к самоубийству. Разуверившийся и отверженный человек, узревший правду, не видит смысла в жизни. В итоге он кончает с собой.

Я знаю таких людей, которые в своей душе прямые лжецы: говорят, что не верят во что-то, однако проповедуют обратное. Мне кажется, что истинных христиан в полном смысле слова нет и никогда не будет. В это утопическое соединение - «истинный христианин» - привносится человеческая страсть и человеческая воля, человеческая сущность в общем. В истории был только один истинный христианин – Христос. Остальные лишь его копии, причем довольно неточные. Проповедуют не убивать – а сами убивают и идут на войну; проповедуют не красть – а сами крадут, легализовав воровство в благотворительность и десятины; проповедуют ценить и уважать людей – а сами делят человечество на черное и белое, на христиан и «проклятых», нехристей. Проповедуют любить – а сами презирают. Видите ли, меня бросает в дрожь от христианской любви. По сути, христианские ценности есть ценности к себе подобным, т.е. к христианам. Нехристианам эти ценности встают костью в горле – чего только стоят слова в спину типа

«нехристь», «богохульник» и пр. А т.н. анафема вообще уникальное явление – гильотина бывшему христианину. Анафемствуют с таким миром в душе, что просто диву даешься – и это христианин, образ и подобие Христа! Я знаю людей, которые со слащавой улыбкой смиренной овцы предлагают общение – а в их глазах читается сумасшедшая и фанатичная страсть обратить меня к Христу, выслужиться перед Богом. Христианам не нужны люди – им нужна похвала свыше, билетик в рай. Омерзительно! Сие есть современный христианин, пустой внутри и по большинству пустой снаружи. До такого омерзительного состояния его довело именно христианство в лице церкви – этого поистине сатанинского изобретения. Давайте вспомним все то зло, которое человечество получило от церкви и христианства, да и религии вообще: казни, инквизиции, войны запада и востока, индульгенции, протестантские субкультуры, тоталитарные секты и пр. Но, на мой взгляд, осиное жало всего этого безобразия составляет *ложь*, святая *ложь*. Простите мне мою откровенность, но других слов не могу подобрать.

Создание видимости знания и некоторой наукоподобности христианства есть, по сути, пускание пыли в глаза – христианство не обладает статусом науки, и никогда им не обладало. У него есть свое особое слово – религия. У христианства нет и быть не может ничего общего с наукой. То видимое сходство есть простая библейская софистика. Простите, но библия мне напоминает химеру – она подстраивается под нужную ситуацию. В зависимости от ситуации тот или иной текст приобретает иной смысл. В этом плане все богословие есть чистейшая софистика, а все воздыхания о Боге есть софизмы типа «рогатого» или «лжеца». Все высокобогословские разговоры есть разговоры *ни о чем и ни о ком*. Я видел богословов и проповедников, которые рьяно проповедуют о Христе, однако при пристальном изучении оказывается, что для них Христос не более чем абстрактная идея – однако они лжецы, т.к. обманывают себя и других. Я знаю верующих, которые не верят на самом деле в *христианство*, другие отрицают добрую половину библейских сказок, например Ветхий завет. Видите ли, кажется мне, что эти люди находятся в стадии некоего прозрения – им не хватает только одного, а именно волевого шага и честности признать, что христианский Бог есть утопия и сказка для потерянных личностей. Такие люди постоянно находятся в надрыве с самими собой – они умудряются жить с ложью. Это очень тяжело, даже тяжелее, чем жить с правдой. Но лгать себе – это удел слабых, это удел христиан.

10.

Хочется особо отметить один признак искусственности христианства и его ценностей в лице системы наказаний, предусмотренной якобы Богом. Как юрист, могу с полной ответственностью заявить, что система наказания за грех и прочую абстракцию выдумана людьми и списана с обществ. Видите ли, право есть некая саморегулирующаяся структура. В своей сути оно имеет простую формулу: за преступление положено наказание, при этом тяжесть наказания напрямую зависит от тяжести преступления. Анализируя систему наказания в христианском учении, я сделал вывод, что тот Бог, который прибегает к такой чудовищной казни в виде потопа, ада, вечных мук, смерти и пр. безобразий, есть сущий дьявол. А христиане в таком ракурсе – его верные слуги, волки в овечьей шкуре. Нацистское зло меркнет перед злом христианского божества, Гитлер со своими «лагерьми смерти» просто неудачник на фоне Тирана.

Вообще анализ христианства с позиций права – вещь довольно-таки занимательная. Я обнаружил двуликий характер библейского Бога: в нем синтезируются как человеческое зло, так и

человеческое добро. При этом поразительно, как христиане не замечают зла в Боге! Наслав однажды на человечество потоп, Бог расписался в убийствах этих людей. А там погибли женщины, дети, старики, чьи-то жены, чьи-то мужья, чьи-то родители... Я обнаружил, что система наказания, описанная в Библии, не соответствует тяжести преступлений. Я считаю, что эта система омерзительнейшая и лживая в своей самости, доводящая несправедливость до прямого сумасшествия. Наказание в Библии есть жесточайший принцип кровавого Бога по выработке условного рефлекса в виде прямого подчинения человека данному божеству. Такое наказание является не наказанием в строгом смысле слова, а прямой *мстью* божества. Гуманное право предусматривает наказание, но даже у людей наказание *не должно причинять мучения, а должно способствовать исправлению человека*. Именно поэтому, как мне кажется, цивилизованные страны ввели мораторий на смертную казнь, а то и вовсе ее отменили: смертная казнь не способна *исправить* человека – она лишь способна лишить его жизни. Мстительное божество, тем не менее, оставило это право – право казни и мучения – в целях наказания греховного человека. Наказания за какой проступок? За какое преступление? За проступок, совершенный в *конечный* период времени, по мнению божества, положено *бесконечное* наказание. Где справедливость? Но тем самым христианство в лице своего иллюзорного вождя подписалось под безусловной аморальностью своей «моральной» системы. Это уже не божественный суд, а суд мстителя и обиженного, суд затравленного и поруганного Бога, немилосердного и негуманного, даже с точки зрения человечества. Человек моральнее Бога – по крайней мере, человеку не чуждо милосердие и сострадание, в отличие от Тирана. Наиболее одуряющее христианское правосудие имело место в мрачном средневековье – наместник Бога папа санкционировал святую (право, как цинично!) инквизицию. Сейчас христианство должно, в очередной раз, подстроиться под изменившееся общество. Сейчас его моральные идеалы плавно выравниваются с идеалами современного человека, но до сих пор звучат отголоски истинной христианской добродетели, разнузданный до омерзения принцип талиона: жизнь за око, вечное мучение за зуб. О какой христианской справедливости вообще можно говорить, о какой морали проповедуют христиане? Это псевдомораль, псевдосправедливость – мораль, не достойная человека. И эти лжецы призваны судить нас! А кто будет судить их? Их подобие – могущественнейший Тиран, обиженный жизнью. Такая справедливость в духе христианства...

Представьте общество, где царит ложь, ложь во всем. Вам дают камень, а говорят, что это хлеб. Вам говорят о грехе, а говорящие - лжецы и убийцы. Вас ведут на смертную казнь, а говорят о справедливости. Это не общество в самом высоком смысле слова, а тирания – я презираю такой строй. Однако это общество вполне реально: такую культуру несет христианство. Возвеличивают слабых и унижают сильных, возвеличивают веру и низводят знание, хвалят Бога и бесчестят человека. Наш мир сошел с ума – перевернул все с ног на голову. Виной тому религия, этот опьяняющий дурман для слабовольных трусов, бегущих от жизни и ее суровости и блаженства. Христианство – это религия зла, она построена на зле, омыта кровью и страданиями. И без того несчастному человеку увеличивают степень его несчастья, грозя адскими муками и вечным мучением, если не полюбит Бога! Как это откровенно глупо и цинично – любить того, кого не знаешь. Право, христианство смешало с грязью великую ценность любви, низведя ее до уровня обожания бесформенных идей, превратив ее в покорную убежденность и затравленного зверька, в некотором смысле вынужденного любить, а втайне презирать за это принуждение. Христиане никогда не любили. Кого они любят, так это себя и свои идеалы. Я говорю, что любят, хотя уместнее было бы говорить не о любви в высоком смысле слова, а о фанатизме. Любящий Христа

есть фанатик, а его любовь не есть любовь, а фанатичная преданность. Христианство уничтожило естественную нравственность человека, вместо него создав химеру морали, построенную на самых циничных и порочных чувствах – убийстве, ненависти, страхе. Христианство есть опыт самобичевания человека. Какую мораль может дать эта циничная религия? Возможно, именно поэтому наша цивилизация зашла в тупик в своем развитии: мы разучились говорить правду, мы стали христианами.

Христианский Бог – это калека. А на самом деле это мы калеки – мы хромаем умом и волочим нашу жизнь в погоне за недостижимыми идеалами. Живи, человек, ведь ценнее жизни ничего нет, получай удовольствие, будь счастливым! Однако нет – человек хочет себя распинать, он хочет страдать, он хочет глотать ложь и омываться кровью.

11.

Христианская мораль крайне натуралистична: везде кровь и отрубленные головы. Апофеоз страдания – распятие самого Бога, которому также не чуждо страдание. Неужели христианство настолько обезумело, что возвело страдание в разряд вселенского закона, которому подчиняется всё и вся? Мне страшно смотреть на эту мораль. Это не мораль, а образ страдающего человека, запятнанного кровью. Моя душа страдает уже от одного взгляда на крест, от мыслей о вечных муках, об убийствах, совершенных Богом, об аде и проклятиях человека. Истинный христианин – это великий страдалец. В этом прав был Н. Бердяев, говоря подобное. Правда жизни в том, что мы действительно страдаем – так зачем усугублять наше страдание? Где счастье? Оно затеряно человеком в груди библейской мишуры и распято на кресте. Образ Христа – это плоть христианства, а страдание – его внутренность. Я не верю слащавым лицам некоторых именующих себя христианами. Настоящий христианин – это страдающий и изнемогший от тоски человек, с великой печалью в душе. Смеющийся христианин – это псевдо-Христос, не верьте ему. Христианин, истинный и фанатичный до смерти, должен страдать и нести свое страдание в мир как величайшую *ценность*. Истинный христианин заставляет страдать других, как это заставляет делать других его божество. В этом сущность христианства, в этом причина злодеяний Бога, в этом причина отсутствия цели и нежелания некоторых жить с именем Христа на устах.

Отчего спас Христос? От страдания? Нет – ибо он сам страдал. От греха? Да – скажут христиане, ибо они знают только библейского Христа. Ложь – ответим мы, ибо мы знаем Христа исторического. Христос был такой же грешный и забытый жизнью, как и его последователи. Да и о каком грехе можно говорить в принципе, если божество само ничем не лучше животного в плане морали? Разве Бог не убивал? Разве он не нарушал собственный закон, или он выше закона, как это умело привирают теологи? Если наш мир станет абсолютно христианским – мы обречены на страдание. В этом принципиальное отличие буддизма от христианства. Это различие заметил уже Ф. Ницше, однако несправедливо низвел буддизм на один уровень с христианством, уравнив их словом «религия». Благодаря христианству мир растаял в боли и страдании. Более того, из человека сделали трусливую овцу, трусливую до смерти, возведя подвижников на уровень героев веры. Какая жалкая ирония! Чем отличается христианство от тирании тогда? Ничем – христианство и есть тирания духа. Абсурдная ценность – страдание – есть не ценность, а жалкое убожество несчастных людей, видящих свое счастье во все большем и большем страдании. Такие позиции многих убили – люди, одурманенные этой псевдоценностью, отказывались от

медицинской помощи, от лекарств и врачей, видя в страдании собственное очищение от зла и греха. Глупцы не понимали и не понимают, что страдание не может ничего сделать, кроме как усугубить боль и несчастье человека. Подобные глупцы не восстают против тиранов, видя в этой тирании волю Божью. Право, как глупо и наивно. Любая власть, даже власть темного ангела, ими воспринимается как само собой обуславливающее их жизнь. Безумные слова – все власти от Бога! В этом безумстве христианство стало на один уровень с Гитлером, став потворщиком тираничных и варварских политических строев. Христианство даже видит в этом пользу – Гитлер приводит вас к Богу! Браво, какая глупость! Для истинных христиан противоестественно восставать против любой власти, даже власти дьявола. Все, что может предложить христианство – это тупую покорность несправедливости. Если вас будут убивать – смиритесь! Господь воздаст вам и вашим врагам! Если будут убивать ваших детей – смиритесь, ибо Бог велик в своей милости к любящим его, а убийцам воздаст до четвертого колена! Абсолютная ложь, круг замкнулся – христианство стало завуалированным злом.

Христианство дистрофично и не может разрешить проблему страдания человека, ибо без страдания христианство уже не есть христианство. В этой дистрофии человек нашел выход – он создал рай! Там он отдохнет от страдания. Но даже там он будет страдать, ибо он будет с Христом! Там, с мнимым блаженством, будет вечная мука тех, кто возжелал счастья и отринул страдание при жизни. Там черное становится белым, а белое черным. Там страдание становится высшей ценностью, именно там, в раю, оно достигает своего апофеоза в вечности. Вечность – это приговор для страдальца. Мир сошел с ума, а вместе с миром с ума сошли и мы. Мы потерялись в собственных иллюзиях. Жребий брошен – *страдание есть величайшая ценность*. В этом сущность христианства, в этом его величайшая ложь...

Религия – явление крайне любопытное. Изучая религию, мы изучаем самих себя. Кто мы? Мы есть боги! Какое смелое заявление. А как же дьявол? Тогда мы также дьяволы! Браво, это высшая софистика, бездумная аналогия! Мы не боги, мы не дьяволы – они не более чем наши поступки, чувства и переживания. Человек, стань антибогом! Стань антидьяволом! Будь человеком, будь самим собой – будь счастливым, отринь страдание и встань с колен!

12.

«Вы, жалкие людишки, нарушили мою волю, святую волю! Я вас проклинаяю, навечно! Смерть вам, проклятые овцы!»

Тиран сошел с ума. Проклиная нас, он помутился рассудком. В чем мы виноваты? Разве можно нас *судить* за вину и прегрешения Чужого? Кто грешен – тот, на кого повесили этот ярлык греха, или Кто повесил? Что ж, нам нынче проклятье – смерть нам. Это Его вердикт. Наш вердикт состоит во взаимности – мы обрекаем Тебя на вечную муку, мы приговариваем Тебя к высшей мере наказания – к смерти через распятие. Ибо Ты от нас зависишь – умрем мы, умрешь и ты...

Грех – учение, разрушающее все основы человеческого бытия. Это именно *учение*, вы не ослышались, занимающее добротную часть в догматах христианства. Дамы и господа, немного внимания! Я хочу сказать вам одну интересную новость: *вы грешны!* Как? Вы не знали? Что ж, я вам открыл глаза. Теперь вы имеете полное право меня проклясть, я не обижусь...

Что такое грех? Это крайне сложное и запутанное учение имеет в своей основе одно непреходящее слово – вина. Вина есть жало греха, ибо кто не чувствует вины, тот не чувствует греха. Христианство ставит во главу угла культивирование одностороннего чувства вины перед Богом. Делается это затем, чтобы вы прочувствовали *грех*, всю его сладость и ужас, все его красоты и несчастья. Грех – это вердикт Тирана, которым он развязывает себе руки, применяя убийства по отношению к нам. Этим он развязывает себе руки в день страшного суда, когда его великое детище – ад, этот проклятый нацистский «лагерь смерти» - примет нас в свой огонь. Грех – это Его бич, которым он избивает нас, показывая, кто есть Господин. Грех, как мне кажется, не есть несовершенство перед Богом – ибо это заведомое несовершенство и тогда в чем мы виноваты? Грех есть *непокорность* воле Тирана, наш прямой бунт небесам. Грех есть утверждение нашей природы, нашей человечности, нашей индивидуальности, нашего Ego; он есть наше самовыражение, отличное от мнения Тирана. Этим Он показал свое отличие от нас. Проклиная грех, он проклял нас, ибо человек есть грех.

Тот, кто не следует воле Бога, грешен. Однако в чем воля Бога? Любить? Ложь – ибо любящий не убивает, никогда, в отличие от Бога. Апостолы Христа утверждали, что любовь есть величайшая ценность христианства, они призывали к любви, они изнывали от любви, они пошли на смерть ради любви. Любовь и есть Бог. Опьяненные этим сладостным дурманом, апостолы стали фанатиками любви, они посчитали, что смыли свои грехи безумной любовью, способной уничтожить саму себя. Истинные глупцы! Неужели они думали, что смогут стать богами? Задобрить любовью Того, кто использует любовь как марионетку в своих грязных руках? Что они сделали? Они убили себя, и убили в себе величайшую ценность – они убили в себе любовь. Безумное стремление стать чище, избавиться от греха, толкнуло их на подвиг. Разве мы можем назвать подвигом самоубийство? Разве мы можем назвать подвигом слепоту фанатика? Нет, не можем, ибо это не подвиг, а низость, это смерть, а в смерти нет ничего героичного. Апостолы захлебнулись в своей любви. Несомое ими христианство есть грех в степени любовь и любовь в степени грех. Два элемента – две страсти. Павел, этот проповедник великих заблуждений, разделил человеческую сущность на две части – плоть и дух. О, как это низко! Дух должен повелевать плотью, разум над инстинктами. Разве можно и нужно делить неделимое? Не утопией ли занимался Павел? Как можно вырвать часть из человека? Вырванный инстинкт лишает человека его права называться «Человеком». Вырванный разум также лишает его этого права. Виной всему Павел видел грех – плоть грешна, а дух нет. Человек разделился сам в себе. Это великая катастрофа! Христианский грех разделил человека, расчленил его сущность, отрубил ему руки, ноги и кое-что еще, оставив один дух – эту абстракцию, не понятную даже богословам.

Так что есть *грех*? Это *вердикт* Бога. Вердикт, которым Он приводит в исполнение свой ужасный план уничтожения человечества. Бог есть самый большой эгоист Вселенной – не желает, чтобы кто-либо имел с ним подобие, вешает ярлыки греховности по отношению к собственным идеалам. И мы уже не имеем Его подобие. Грехом он утвердил нас – мы все равно не проиграли. Грех – это наша природа, и необходимо, жизненно необходимо примириться с ней, с нашей сущностью.

Греха не существует. Грех есть вольнодумство христиан, слишком чувствительных и слишком обиженных жизнью. Грех есть их *орудие мести* нашему миру. Не более чем абстракция,

не менее чем очередной инструмент христиан по возвращению раба божьего. Я не говорю о морали человеческой, я говорю о морали христианской – вся христианская моралистика ориентируется на грех. Даже не на «хорошо» или «плохо», как в примитивных культурах – а «греховное» или «не греховное». Жизнь христианина есть попытка убежать от греха, который он сам себе возвел за догму. Несчастливые люди – они шли в монастыри, сжигали себя живьем, мучили себя аскезом, голодали, ограждались от мира! Разве кто-либо из них пошел бы на это без вынужденной меры? Их повели бичом – бич этот есть грех.

14.

Дамы и господа, вы грешны! Я вас буду стегать этим *бичом* на всем протяжении нашего повествования. Сожмите зубы и терпите – это для вашей же пользы... Грех есть христианский ярлык, христианская моралистика, которая разделяет поступки человека по категории «воля божья» - «не воля божья». Обратите внимания, что в природе нет данных ярлыков – любой акт животного, любой акт разумного индивида не носит собой акт греховного содержания. Все естественно и в рамках допустимой природной обусловленности. Разве мы можем сказать, что волк, поедающий овцу, грешен? Это безумие. Акт волка естественен – он делает естественное его сущности. Сущность волка поедать овец. Можем ли мы сказать, что акт стервятника, поедающего падаль, есть акт греховный? Полное безумие. Его акт обусловлен сущностью стервятника, поэтому не может являться греховным. Давайте осудим этих животных на страдания, изобьем их и проклянем только потому, что их естественные акты не вписываются в наше понимание нормальности. Верх сумасшествия! Такую позицию занял Бог – он осуждает нашу природу, измеряя ее своими, только ему одному известными мерками. На фоне Бога мы неудачники и тараканы – мы презренны и нечисты, мы греховны.

Человечество возомнило себя Богом и забыло о своей человеческой сущности. Печально видеть такое извращение естественности. Мы спроецировали самих себя богами – *человеку* уже нет места. Мы раздвоились, в нас играет метафизическая шизофрения. Мы летаем в небесах и касаемся небес, а здесь на земле наши сущности уподобились цветку осенних листьев, прогнивших и отсыревших с приходом осени, этой смерти природы. Дамы и господа, тем не менее, вы грешны! Я вам обещал бич, и вот он! Грех, христианский грех пока держит вас от полного сумасшествия – он говорит кровью, что вы не боги. Представьте, что будет, если мы изыдем этот ярлык! Мы погрузимся в пучину антиестественного, в пучину лжи и упадка человеческой сущности, человеческой цивилизации в общем. Пока мы еще не созрели до Бога, мы хлещем себя этим бичом, этим хлыстом греха, мы еще не забыли, что мы *люди*. А значит, еще есть надежда. Грех есть симптом болезни. Кто чувствует себя *еще* грешным – тот болен самой серьезной болезнью, болезнью «божественности». Такой человек не есть уже человек – а полубог, Геракл, который мечтает воссесть на Олимпе. Пока его еще сдерживает идея греха, пока она еще бьет его, показывая зазнавшемуся и обезумевшему человеку, кто есть Бог. Но это временная мера – человечество не откажется от заманчивой идеи стать богами, оно сорвет путы греховности с собственной псевдобожественной сущности. В этом стремлении грех, этот бич, изобьет еще не одну спину в кровь...

Мы разделись. Мир разделился. Одни становятся богами, другие остаются людьми. Я человек! Как гордо и благозвучно для моего слуха это утверждение. Скажите мне, что я Бог – и я вас засмею и, возможно даже, дам оплеуху – это безумие режет мое сознание, оно взрывает мою человеческую сущность изнутри. Я не есть Бог, и не хочу им становиться. Христианский Бог, этот Тиран, есть образ и подобие этих людей, людей, которые стремятся стать Богами. Летите, мотыльки, на огонь, который вас же уничтожит. Вы родились для этого полета, и не можете более помыслить, нежели как об этом манящем свете. А мы, люди, не забывшие свою природу и сущность, посмотрим на вас со стороны и покачаем головами в горькой усмешке. Наш вердикт вам состоит в том, что вы не только христиане – это даже не столь страшно и разрушительно – а в том, что вы отвергли человеческую сущность, опозорили человеческое естество, плюнули в собственных колодец и сказали, что человек грешен. Что ж, вы тем самым осудили не нас, ни в коем случае, а самих себя – ибо грешны вы, т.к. меряете греховность мерками вашего иллюзорного Лидера, а по сути, вашими собственными. Разве вы *нас* осудили? Мы от своей сущности никогда не отказывались и никогда не предадим человечество – вы осудили самих себя, вы дали понять, что вы не достойны быть людьми. Мы лишаем вас этого права – права именовать себя Человеком, и соглашаемся с вами – вы боги. Вы довольны? Глупцы, вы погибнете в своем безумии! Вернитесь назад и признайте, что вы люди.

Думаете, я сгущаю краски и все слишком усложняю? Думаете, что я лгу, говоря о том, что человек жаждет быть Богом? Не обманывайте самих себя – взгляните на историю. Мы *уже* имеем Бога, который распрощался с идеей греховности, который перестал бичевать себя и полностью свыкся с мыслью о своей божественности, – Христос. Это слово бьет по моему сознанию, как молот кузнеца по наковальне. Христос есть Бог, отринувший понятие греха и утвердивший собственные эталоны греховности для других полубогов, следовавших за ним. Нет ничего слаще для черни, чем возвести их до уровня небес – за Христом пошла чернь, причем чернь во всех качествах. За ним пошли забитые и униженные, получеловеки, люди, потерявшие самих себя. Христос их поднял в собственных глазах – он назвал их богами. Но не забывал их бичевать грехом – ибо в монотеизме Богом может быть только одна личность. И место Бога, вместо Иеговы и Саваофа, этих нацистов, занял Христос, *человек*, порвавший с путами греховности. Он достиг цели, которую сам и поставил, он дал пример своей смертью. Безумец не понимал, что страданием ничего не изменишь. Затем это зло утвердят христиане на аренах амфитеатров, на крестах и площадях, проливая *человеческую* кровь во имя утопической идеи. Именно грех разделяет человека и Бога – правильно пишут об этом богословы. Но лукавят – ибо он же отделяет Бога от человека, утверждая наше естество. Именно грех задает вектор движения христианина – это его бельмо, от которого он жаждет избавиться, от этой «грязи» он жаждет омыться кровью Христа и своей собственной. Именно грехом он утверждает свою нечеловечность и низводится ниже нас – людей – при этом думая, что возносится на небеса. Христианин есть предатель рода человеческого – он отрекся от самого себя. Я обвиняю в этом христианство и все религии вслед за ним, я обвиняю их палачей в том, что они уничтожили естественность, уничтожили человека; его великое Его они распяли на кресте – так дадим же им доделать задуманное и отойдем в сторону. Пусть глупцы задушат самих себя – нам от этого только легче, ибо смысла нет в том, чтобы исправить неисправимое, чтобы сделать из христианина *Человека*. Пусть они летят на огонь – тем паче будет их разочарование, и пример, и назидание другим. Жаль, а ведь из них могли

получиться гениальности – но они не нашли ничего лучшего, как отречься от счастья быть человеком и обжечься в пламени собственного сумасшествия.

Как разрушительна религия! Она создает собственные проблемы и ищет собственные решения этих проблем. Вы грешны и вот вам решение – вы должны принять Христа! Какая глупость, скажем мы, глупость отвратительнейшая и недостойная человека. Я не хочу быть с Христом, я не хочу этих бичеваний, я не хочу этих страданий, я не хочу этой иллюзии – *я не хочу отречься от себя*. Вы угрожаете мне адом? Я не ослышался? Тем более, тем более... Крест - глупость, граничащая с идиотизмом. И Христос стучится в наши двери: дамы и господа, немного внимания, у меня для вас новость! Я – Бог, я пострадал за *вас* и *ваши* грехи, я пролил кровь за *вас*. Так поклонитесь мне и примите мое божество! Сударь, - ответим мы – Вы к нам обращаетесь? Мы Вас не знаем, и знать не хотим – Вы безумец. Вы пролили кровь за *нашу* вину? Мы Вас об этом не просили – подите прочь...

Но навесьте на нас ваши ярлыки, чтобы ваше безумие было полным. Прокляните нас, назовите нас лжепророками, самими дьяволами во плоти – так, по крайней мере, вы не солжете Христу. Однако ваш бич нас не трогает, он не оставляет на наших телах рваные раны – мы вне греха, мы вне христианства, мы вне религии. Мы – люди. Не оборачивайтесь на нас – летите к своей цели. Мы вам всего лишь препятствие, которое вы можете элегантно обойти, назвав нас исчадиями ада. Неужели я грешен? Не может быть – я и не знал об этом. Безусловно, убивать нельзя, убийство вообще лежит вне критериев оценки жизни. Убийство приносит смерть – в ней самой нет никаких критериев. Уже одно это вызывает во мне чувство глубокого презрения к убийцам – они лишают человека его сути, выражающейся только в жизни, ибо в смерти нет ничего – ни Бога, ни дьявола, ни человека. Убийца разрушает все, что мы имеем высшего – жизнь. Проклятье ему от нас! Попробуйте угадать с трех раз, на Кого в первую очередь ложится наше главное проклятие? Проклиная Тирана, мы проклинаяем его создателей – этих тщедушных и трусливых богов, которые не нашли в себе смелости стать людьми, возродить свое Его из пепла и твердо стоять на ногах, а не витать в небесах. Нет спасения от греха – даже на небесах вы будете на уровне рабов, вы будете *грешными*. Ваш грех никогда никто не смоеет, кроме вас самих. Неужели вы думаете, что Тиран разделит с вами власть? Никогда – он всегда будет нашептывать вам, кто есть *вы*. Он всегда будет вас клеймить грехом – именно поэтому вы не Он. Если человек вырвет этот бич из рук Тирана, что будет тогда? Тогда вы станете Богом...

Я не хочу этого, уже достаточно одного сумасшествия в лице Христа и апостолов, уже достаточно этой псевдореальности под названием христианство. Доколе люди будут мечтать о божестве? Мы не боги – уяснить это необходимо уже с молоком матери. Однако эти самые матери вливают яд божественности неразумным пока детям. Мы захлебнулись в собственных нечистотах, мы не видим почвы под ногами – всему виной полеты в облаках, поиски богов, делание из себя бога. Все ложь! Мы здесь, на земле, мы люди, мы сами творим свою судьбу, свою историю. Не нужно ублажать иллюзии, вырывая собственную добродетель и собственное зло и приписывая иллюзиям свои заслуги и падения – им до нас нет никакого дела. Христианство создало грандиозную модель - она меня, признаюсь, впечатлила своими размерами. Но теперь я понял, насколько она узка и жалка. Ее бич – грех – ложится на наши плечи направо и налево. Чем не стадо? Бог во всеоружии: подготовлены печи, мечи, тучи ангелов-убийц, адское пламя, проклятья и страдания. А ведь этот самый Бог не более чем человек – ведь это, оказывается, человек готовит

эти орудия смерти. Именно человек выдумал, что это сделает его *бессмертным*, сделает его Богом. Какая ирония, круг замкнулся – смерть есть путь к божественности...

16.

Дамы и господа, прошу немного меня потерпеть – у меня для вас еще одна новость! Ваши дети грешны и заслуживают смерти! Да, мадам, ваш милый и розовощекий месячный ребеночек грешен наравне с вами! А вы не знали? Смерть ему от Бога! Первородный грех – всем грехам грех, ибо он абсолютно иллюзорен и абстрактен. Попробуйте указать мне, в чем же состоит первородный грех. Некоторые, особо примитивные, христиане связывают его с самим актом зачатия и любви двух полов. Когда в любви сплетаются тела и души, говорят они, и происходит зачатие нового Человека, тогда происходит первородный *грех*. Что ж, эти христиане потерпели полное фиаско – обесчестили своих родителей, обесчестили себя и весь человеческий род. Видя в половом акте греховность, они дошли до безумия в своем стремлении убежать от этого бича. Простите, но есть и такие божьи овцы, которые занимаются сексом через дырку в простыне. Не могу подобрать к ним более достойного эпитета, кроме как *идиоты*! Они настоящие идиоты – идиоты в буквальном смысле слова. Ведь даже по их меркам они совершают предательство Богу – они тем не мене совокупаются! Более здравомыслящие христиане говорят о первородном грехе как о некой заразе, которую мы получили от Адама. Крайне любопытно – выходит, что грех есть своего рода вирус, *яд*, который передается из поколения в поколение. Этот яд мы не можем исследовать, наука здесь бессильна – этот яд в ваших душах, в душах ваших детей и родителей. Конечно, мы, люди, были, есть и будем такими, какие мы есть. Клеймить человеческое естество грехом просто унижительно. Христиане утверждают, что даже годовалый ребенок грешен, т.е. *виноват* перед Богом, не следует Его высочайшей воле. И только потому, что он появился на свет от *человека*, своей матери. Это прямой плевок в лицо человеческому роду.

17.

Грех является одним из обязательных компонентов христианства. Без этой категории христианство погребло бы, не успев зародиться. Грех – это одно из связующих звеньев, нитки христианства, призванные соединить все догматы в один корпус учения. Именно грех проводит разделительную линию, некий водораздел между Богом и человеком, тем самым как бы определяя предмет поклонения последних. Если выразиться фигурально, грех есть элитарное учение христианства, именно понятием греха оно начинает лепку христианина. Первый шаг по обращению в эту пагубную религию заключается в возбуждении в человеке чувства собственного несовершенства и несовершенства окружающих. Грех раздевает человека, снимает с него одежду плоти и оставляет нагим, вызывая в нем стыд и чувство омерзения к собственной природе. Это продолжается недолго – до тех пор, пока человек не начнет презирать свое якобы греховное состояние и не начнет искать лекарства и новых одежд, дабы прикрыть свою наготу. Иначе говоря, вначале христианство человека обливает грязью, а затем предлагается ванну, где он сможет помыться. Эта грязь и есть учение о грехе. В противном случае в человеке не пробудится чувство вины и желание христианского самосовершенствования, которое целиком и полностью концентрируется вокруг личности Христа, который есть тот самый любезный банщик, призванный

вас помыть и очистить от грязи. Если вырвать идею греха, христианство останется оголенным, никто не придет к Христу, ибо не нужно никуда ходить, нет смысла.

Ветхозаветное понимание греха концентрировалось на 10 заповедях, декалоге – некоей кодификации еврейского законодательства, примитивного и бездарного с точки зрения современного права. Первые четыре заповеди определяют греховное отношение к Богу, последние шесть – к человеку. Христос упразднил добротную часть этих идиотских предписаний, выразив весь декалог одним предложением: возлюби Господа твоего всем сердцем твоим, и ближнего своего, как самого себя. Христос есть не только бичеватель, но и законодатель, причем любопытный – он так и не издал ни одного закона. Позднее этим займутся его апостолы и последователи, развернув громадную сеть церковного права. А пока – неследование этой примитивности есть неследование воле Божьей. Все просто и банально – человек становится не только Богом, но и судьей, призванным указывать, что есть воля Божья. Корни папизма и церковного тоталитаризма находятся именно в этом – в присвоении человеком Божьего судейства, которого никогда и не было. А как же иначе? Лжецы и обманщики просто создали законы. Слишком предсказуемо...

18.

Но зачем нам, людям, эти еврейские пассажи «а la воля божья»? Зачем нам, человекам, эти бичевания? Ни к чему – ибо мы люди. Одно настораживает – экспансия христиан в среду человечества. Вооружившись этим бичом, они хотят захлестать нас до смерти, а потом милосердно предложить лекарства и бинты. Но мы не больны, и не болели еврейским сумасшествием! Мы не нуждаемся в вашей помощи! Любопытно, что на стыке времен, при зарождении христианства, мы увидели настоящую войну – евреи бичевали христиан своим кнутом греха, а христиане – своим. Кто победил, мы знаем – однако побежденные еще живы, они все еще представляют опасность для христиан. У евреев есть одна дурацкая натура – все сводить к национализму, ибо иудеем может быть только еврей, несмотря на пылкие попытки евреев уверить в обратном. Если евреи избавятся от этого предрассудка – христиан ждет настоящая война. На их плечи опять лягут еврейские кнуты. Во многом мне кажется, что христиане не смогут дать достойный ответ: они разделены, их христианство распалось на мелкие секты. Уже нет того христианства, о котором проповедовали апостолы. Но есть еврейство – и оно не раскололось...

Поразительно, насколько христианство *жидкая* религия. Оно растеклось по всей планете и по праву, вы не ослышались – именно по праву, – заслужило статус мировой религии. На мой взгляд, это единственная мировая религия на данный момент. Христиане повсюду, среди всех народов и на всех континентах. Скажите мне, у какой религии вы видели такой размах? Мусульманином, истинным, может быть только араб; индуистом – только индеец; иудеем – безусловно, только еврей... Христианство одно сбросило с себя эти унижительные национальные оковы. Оно стало *жидким* и просочилось тем самым во все культуры, на все континенты, оно оросило все нации. В этом его успех – если бы оно осталось *только* для евреев, оно не было бы христианством и религией в принципе. Но эти гениальные в своем роде слова, что Христос умер за *всех*, сыграли свое дело. Христианство утвердило свою тиранию по всему земному шару! Что же мы, люди, можем противопоставить этому? Ничего, кроме как самих себя! Ничего, кроме как

Человека! Но, право, христиане то ли оглохли, то ли помутились рассудком – но они залюбовались самими собой и не слышат наших остерегающих речей. Несчастные нарциссы...

Из этого учения – учения о грехе – вытекает право Бога, а, по сути, его изобретателей, называть человека *рабом* Божьим, а Бога, соответственно – Господином. Это унижительно – называть человека таким патетичным словосочетанием – раб Божий. Если мы рабы, то, следуя элементарной логике, царство божье есть *рабство*. А мы, рабы – *собственность* Хозяина. Собственность! Глубочайшего кощунства не придумать – эти безобразники, изобретатели христианства, совсем впали в сумасшествие, у них пошатнулся разум. Вместо того чтобы нести *свободу* человеку, и без того забитому, они обрекли его на вечное рабство. Мы еще поговорим о царстве божьем, но не здесь – это отдельная тема. А пока вы, рабы, слушайте нас, ваших освободителей! Сбросьте это унижительно рабство – вы заслуживаете гораздо большего, чем бичевания грехом. Вы не собственность Тирана. Вы – Люди! Однако плачевно видеть желание и любовь человека к подобному унижению. Право, несчастнейшие из людей – вас уже забили почти до полусмерти...

19.

К счастью, мы живем общественной жизнью. Но *какой* общественной жизнью мы живем! Что ни говорите, а какое бы общество мы не имели, у нас все равно будут недостижимые идеалы, образцы совершенного строя, стремясь к которому, мы будем клеймить себя нашим бессилием достичь этого идеала. На мой взгляд, общество – одно из величайших достижений человечества, наравне с алфавитом, искусством и наукой. Уже одно то, что есть *общество*, какую бы причудливую форму оно ни принимало, есть безусловная победа человека над хаосом природы. Какое драгоценнейшее явление – общество! И какое позорное и презренное подобие общества – царство божье!

20.

Царство божье есть история без начала и конца. Царство есть вместилище для лагерей смерти Христа, где он и его проклятые слуги будут издеваться над людьми, испытывая при этом счастье и воистину садистское удовлетворение от человеческой боли. Это то место, где чернь поднимется с колен, неся святую месть своим палачам. Это то место, где жертва становится убийцей, а убийца принимает роль жертвы. Это место, где слабый становится сильным, а сильный – слабым и беспомощным. Великий экзекутор и инквизитор Христос удержит руку адских мучеников от возмездия своим палачам – ибо без этого удержания не будет христианской справедливости слабого, который обязан подставить вторую щеку под любой удар. Мы не подставим щеки – мы уничтожим небеса! Мы пожрем рай и растопчем Бога вместе с его нацистскими палачами! Справедливый Бог в своем царстве напоминает мне разгневавшегося Тирана, Садиста по своей сути. «Вы обидели моих рабов, проклятые свиньи! Я удержу вашу руку от гнева – вы бессильны! Рабы мои, бейте и измывайтесь над ними, они вам ничего не сделают!». Бог даже поможет в этом вселенском избиении – тучи ангелов, этих полубогов, богов-недоучек и небесных кастратов, тайно изнывающих от сексуального желания, возьмут мечи и будут рубить нас на куски, но мы не умрем, ибо величайшая милость божья есть бессмертие, даже для нас,

проклятых. Кровавая баня, уважаемые дамы и господа, вам обеспечена! Бойтесь *не любить* Господа!

Царство божье – это царство слабых, в нем никогда не будет сильного общества, ибо общество есть уже сила. Я не могу употребить более точного слова к этому царству, нежели чем *резервация*. Если попробовать выделить некие самые общие характеристики этого порядка, мы можем обнаружить следующие, довольно любопытные, вещи. Наша детородная функция по непонятным причинам будет упразднена. По всей видимости, Бог хочет избежать рождения новых человеческих «уродов», наделенных грехом, ибо новорожденный имеет одинаковую потенцию стать как грешным, т.е. христианином, так и свободным, т.е. человеком. Помнится нам, примерно такую же попытку предпринимал Гитлер в холокосте, в уничтожении инвалидов и психически нездоровых людей. Участь не любящих Бога будет плачевной. Однако даже в этом простом догмате христиане не могут найти общий язык. Одни утверждают, что зло будет полностью уничтожено, другие – что злые люди (ибо величайшее зло для христианина есть нелюбовь к божеству) будут вечно мучаться, третьи – что будет простое расселение «по интересам», Бог каждого поселит к себе подобным. Другая общая характеристика – отсутствие нормального прогресса. Человек как личность не будет прогрессировать как в познании, так и в физических характеристиках – ибо это уже не нужно, т.к. человек уже прогрессировал настолько, что достиг вечной жизни или вечного ада, как будто вечность и есть прогресс. Общество также будет лишено своего святого права называться обществом. По сути, Бог разобьет все общество на куски, образуя тем самым группы людей, воля которых скована Богом. Воля эта сводится к возможности либо творить зло, либо творить добро, причем в рамках только лишь христианской морали. Злой не сможет творить зло, ибо его воля будет связана Богом, добрый также лишается возможности творить добро – ибо он якобы достиг границы самосовершенствования, которую христиане нагло называют любовью к Богу.

21.

Христиане настолько глупы и наивны, что не могут даже помыслить будущего развития ситуации. Опираясь на понятие свободной воли человека, они не видят некоторых затруднений в собственных сумасшествиях. Например, они утверждают, что человек останется свободным даже на небесах, при этом боятся подумать о возможном повторении грехопадения, ибо, как утверждают эти наглецы, человек впал в грех только благодаря своей воле, а если быть честными – благодаря своему существу. Отсутствие развития и прогресса есть приговор для человечества – именно этот приговор вершат богословы, *уже* в наше время презирая любую идею прогресса общества и культивируя в массах якобы утопичность этого великого свершения. Как ничтожны и недостойны в глазах человека подобные заявления. Право, подобное безобразие могли измыслить только лишь христиане...

Царство божье есть статичность, статичность во всем. Святые будут надирать глотки, восхваляя святость Бога, а проклятые, при условии, что божья справедливость все же допустит наше существование, будут вечно мучиться в аду. Интересно христианское понимание мучения. Особо любящие утверждают, что мука будет заключаться в том, что адский мученик не сможет более любить. Право, как наивно: адский мученик уже по своему статусу мученика *не сможет* любить своего Палача, в противном случае это либо мазохист, либо истинный христианин, в своей

любви достигший умопомешательства и уже не заслуживающий подобных мук с позиции божеской морали. Другие овцы божьи утверждают, что это будет мучение, безусловно, физическое и психическое. По всей видимости, для этого и будет воскрешен человек в своем теле – иначе каким образом адскому мученику можно доставить боль, как только посредством тела? Но теологи привирают – ибо в теле будут и святые овцы. Зачем им тело, если область благородных чувств, по их мнению, есть область человеческой души, в противовес низменным животным страстям, принадлежащим области земного и служащим плотскому разврату? Зачем тело, если вы и без него вполне можете поддерживать свое сумасшествие? Ответ прост: христианин такой же эгоист, как и адский мученик, ибо он хочет вполне земного, а именно *удовольствия и блаженства*. Однако удовольствия и блаженства христианин будет добиваться довольно странным образом – созерцая божество. Право, верх идиотизма! Возможно, некоторые из этих кастратов, лишённые возможности радоваться здоровому сексу, прибегнут к мастурбации или к другим утехам, ибо от одного представления о бесконечном созерцании вселенского Нарцисса, как нам кажется, невозможно достигнуть удовольствия. Человек есть существо плотское и чувственное – нам необходимы эмоции и чувства, нам необходимо *быть* человеком в полном смысле слова. Мы отказываемся от кастрации и урезания человеческого естества, предпочитая лучше смерть, чем подобную муку. Право, теологи, выдумавшие все это безобразие, убогие и закомплексованные люди – ибо подобное отношение и принижение человека есть *месть* кастрата и импотента здоровому индивиду, способному дать потомство; это месть хромящего калеки человеку, который способен быстро бегать; это месть аскета, зарывшего себя в гробы при жизни, человеку, наслаждающемуся всей полнотой бытия; это месть слабого и униженного христианина сильным и великим личностям; это месть христиан обществу, распявшему и распинающему их божество и ценности. Это месть нам, говорящим правду о сути христианства, это месть самому христианству, которое лишило человека права быть человеком...

22.

Мы не можем лгать себе самим – мы презираем такой строй, где эти мстители наслаждаются своим убожеством и неполноценностью. Ислам куда честнее, ибо он не лишает человека чувственного наслаждения. Гурии, сексуальные фантазии, элементарная радость от вкусной пищи и пр. сулятся благочестивому мусульманину. Ислам – религия сильных людей, однако не могущих распрощаться с заразой божественности. Их сила до сих пор скована религиозным сумасшествием – они также своей религией разрушают общество и прогресс. Христиане пошли дальше ислама – они отказали самим себе в человечности. Когда они попадут в эти резервации, они *уже* не будут людьми, а будут, как ангелы небесные, эти бесполое кастраты. Они воскреснут, но не для того, чтобы получать наслаждение *посредством* своего тела, а для того, чтобы...

23.

...Я оборвал фразу на полуслове. Я только сейчас осознал, что не понимаю, зачем вообще христианам тело! Они не постигнут счастья плотской любви, не смогут рождать и воспитывать потомство, не смогут вкушать пищу, не смогут обонять, не смогут видеть, не смогут дышать, не смогут слышать. Они будут подобны своему божеству, которое на самом деле есть *пустота*.

Возможно, именно поэтому христиане и урезают свою человеческую сущность, чтобы быть как их божество! Как иначе стать подобным Богу-пустоте, если мы имеем плоть, а он бесплотен? Как стать подобным Ему, если он не имеет глаз, а мы имеем? Тем более, как мы станем подобны Богу, если в своем Царстве он не допускает секс и чувственный оргазм? Не иначе, как кастрацией собственной сущности. Следствие этого – таяние в христианстве Человека, аннигиляция его свойств, приближение к пустоте как к отсутствию чего-либо материального. В этом, как нам видится, заключается один из ключей к пониманию сущности христианства. Христианин уже на практике становится чем-то призрачным, нереальным, не от мира сего, как они любят себя характеризовать. Они становятся несколько пустотными, полыми в своей сущности. Они самоубийцы человеческого естества в самих себе. Подобно тому, как если бы пышное дерево нашло бы себе бога в жалком пне, оно всячески стремилось бы стать подобием этого пня. Оно обломало бы себе ветви, сбросило свой шикарный зеленый наряд, срубило себя под корень. И мы, видя это бедное *уже-не-дерево*, а настоящий пенёк, можем с уверенностью сказать, что есть его бог. Так и человечность христиан становится полой и приближенной к пустоте, а они сами становятся пустым местом, как будто их и нет, и никогда и не было, как нет и никогда не было их божества. И вот эту *смерть* они несут нам, людям, не забывшим, что есть *жизнь* и *бытие*. Как можем мы принять такое извращение над человеческим родом? Как можем мы при жизни стать самоубийцами и раствориться в иллюзиях? Христиане, знайте – мы никогда не станем пустыми, мы никогда не растворимся и не превратимся из великого дерева под названием «Человек» в презренный и обрубленный пенёк под названием «христианин», ибо мы *знаем*, что мы люди!

24.

Что же мы будем делать в этих резервациях, чем будем заниматься? Ответ очевиден – *скукой* и *тоской*. Да и то это участь только лишь овец божьих. Характер овцы прост – овце много не надо, как только хороший выпас и зеленая трава в качестве корма. Так и христиане – отринут свою человеческую природу, станут бесполоми кастратами и будут пастись пастушком-Христом на поле. О, как неинтересна подобная бездеятельность! Это настоящая *degeneration* человечества! Некоторые христиане-фантасты, стремящиеся хоть как-то приукрасить эти скучные и тоскливые картины, придумывают действия в царстве божьем, ибо понимают, что без действия, без активности и движения человеческая сущность подвержена деградации, пусть она находится даже с божеством. Они рисуют миры, в которых человек будет ангелом, миры, где Бог постоянно творит все новые и новые мироздания и где христиане суть Его верные слуги. Неужели, спросим мы? Господа, вы понимаете, что это только лишь желание вашего сознания, желание вашей плоти не быть *убитыми* от скуки? Да если и так – тогда к чему весь этот божеский театр? Неужто Он возомнил себя режиссером-постановщиком актуальных сцен Вселенной? Да и мы какие роли играем в этом безумном действии? Бедные ангелы – в таком случае и они некогда были как мы, но превратились в этих бесполох существ, несчастные *degenerates*. Господа, ведь подумайте! Ваши сценарии допускают некоторую цикличность событий: Бог постоянно творит, существа постоянно превращаются в нечто другое. Как всегда у нас, скептиков, наготове один вопрос – почему? Почему так, а не иначе? Почему Бог *не может не творить*, почему необходим этот цирк со страданиями и болью, зачем существ лишать их естества и сущности и делать из них непонятно что? И у вас, как всегда, нет на это ответа, кроме веры. Но зачем нам эта блудливая девка – вера? Мы отказываемся витать в небесах, нам по сердцу наша земля и наша человечность.

Сейчас мы скажем безумные для нас слова: *если бы мы были богами*, мы непременно внесли бы во Вселенную и мироздание элемент случайности. Мы непременно уравнили бы добро и зло, и дали бы этим элементам одинаковую потенцию победы друг над другом. Мы непременно не уничтожали бы первоначальную сущность существ, а творили бы эти сущности сразу, с первого захода, ибо зачем им страдать от своей неполноценности и недосотворенности? Нам была бы презренна статичность, причем статичность во всем, даже в добре или зле. Мы – адские художники, живущие на небесах. Мы – небесные живописцы, пишущие облаками в самой преисподней. Мы разукрасили радугу людской печалью, мы оголили улыбки и играли оркестром оглушительное счастье. Мы пишем всеми красками, раскрашивая тусклые пейзажи Вселенной кровью и радостью. Господа, и самое главное – мы бы никогда не свалили груз собственных ошибок и неудач на наше творение. Мы никогда бы не обвинили *сущность* существ, сотворенных *нами*, лживой, порочной и греховной. Такие поступки суть удел слабых и тоскливых художников, обиженных неполноценностью собственного таланта, ибо горшок не виноват в кривизне своих стенок. И еще один штрих, господа: мы не создавали бы эти презренные резервации. Даже на небесах мы продолжали бы писать красочно, даже на небесах нас могли бы свергнуть и растоптать. Ах, эти правила игры, как они непредсказуемы и интересны! Но это только лишь фантазии, наравне с фантазиями вашего ума. Но вы, господа-летающие-в-небесах, суть *decadent`s*, как выразился Ницше, этот страстный правдолюбец, а мы суть *renaissance*, как говорим это мы, живущие на земле.

Нам крайне неприятно представлять ваши резервации, где лев будет жить рядом с ягненком, и оба будут питаться травой. Сложно представить ягуара, жующего листву деревьев. Сложно представить пантеру, не нападающую на козлю, а человека, не поедающего мясо. Господа, вы все перевернули с ног на голову, и сами того не заметив. Ваши краски какие-то ненастоящие, а ваши полотна просто неправильны и неправдоподобны. Вы спрашиваете, почему? Неужели еще есть необходимость разубеждать вас в этом безумии? Потому, что волк поедает овец; потому, что пантеры поедает козлю, потому, что лев ест ягнят, а не жует траву. Право, вы и бедных животных обездолили – им за что досталось? А может, вы боитесь, что и в раю на вас может напасть лев и загрызть? Господа, не уместнее ли в вашем раю создать заграждения от хищных животных, нежели рассчитывать на милость Бога?..

25.

Для христиан огромные трудности составляют вопросы секса и половых отношений. Свои закомплексованности и неполноценности они перенесли также и в свои резервации. Ответьте на вопрос: будет ли секс в вашем миропорядке, будет ли половая жизнь, будут ли рождаться дети? Будет ли у вас счастье молодоженов, будет ли интимность первой брачной ночи? Будут ли страстные воздыхания подростков, признающих друг другу в любви? Скрежеща зубами, многие отвечают: *нет*, этого не будет в царстве божьем. Все актеры уже родятся, и от новых не будет прока. Как мы уже писали, новый человек есть прямая угроза небесам. Этот новый человек может растоптать небеса и стать новым сатаной. Подобные заявления христиан несут двоякий смысл. С одной стороны, эти резервации есть прямая месть закомплексованных людей, с другой – попытка пресечь движение и любое развитие, ибо они несут в себе возможность разрушения этих резерваций и появления дьявола. Но зачем себе отказывать в радостях половой жизни? Ведь вы

могли просто сказать, что женщина станет бесплодной, а мужчина станет кастратом. Мы скажем более, вы уже кастраты, и в царстве своем вы будете кастратами, однако по непонятным нам причинам лишаете себя радости секса. В Италии 16-18 вв. кастратами были певцы в церквах и оперных театрах. Этим несчастным подвергали оскоплению в детском возрасте для сохранения высокого голоса. И вы, подобно этим несчастным, *уже* поете о царстве божьем. Вы – это хор евнухов, который будет воспевать славу небесам. Любые половые отношения выпадают из вашего развития. Право, так может мыслить только degenerate...

Вследствии этого не будет разделения полов. Странно, но христиане не замечают одну существенную деталь, как нам кажется: разделение на полы сохранится в царстве животных и растений. В данном утверждении мы идем от противного – ибо христиане эти царства *пока* не трогают. Они целиком сконцентрировались на человеке, забыв, что не только человек спаривается и дает новую жизнь. Еще остались животные и растения. Как же они? Или они также будут бессмертными? Но ведь бессмертие есть атрибут божества и его подобия – человека. Выходит, животные и растения должны постоянно воспроизводить самих себя, либо, в противном случае, их нужно изъять из будущей жизни. Хотя зачем нам так глубоко смотреть? Это проблемы христиан, а не наши...

26.

Изъяв все процессы и способы достижения чувственного наслаждения, христиане, тем не менее, оставили их результат, одно оголенное чувство – *orgasme*. Оргазма достигнут они путем соединения с божеством, некоего слияния двух сущностей – сущности божества и сущности человека. Но это слияние не в буквальном смысле, а в метафорическом. Вообще у христиан ничего нет буквального, при этом все буквально, простите за противоречивость сказанного. Как только возникают «трудности перевода» их святынь, в частности Библии, они сразу же все спускают на библейские жаргон и аллегории. Ну скажите прямо, что этот оргазм есть стремление кастратов совершить половой акт, выразить свою человечность не совсем человеческим способом! Если благодаря половой жизни и сексу как одному из атрибутов этой жизни мужчина и женщина действительно становятся одним целым, достигая в оргазме максимального единения сущностей на уровне физиологии, то стремление христиан достигнуть оргазма путем слияния с божеством нам представляется тем же самым.

Однако не нужно нас воспринимать буквально – царство божье есть крайне сложная, и в тоже время слишком простая идея для восприятия. Если сказать проще, она слишком конкретна в своей неконкретике. Христиане должны быть честны перед самими собой и своей сущностью – их царство божье допускает некоторое развитие, несмотря на их предпочтение статичности и физиологического уродства. Мы заостряем ваш взгляд на человеческом естестве, ибо мы против того, чтобы разделять природу человека, выделив из него какие-то элементарии, выдавая это разделение за прогресс, а эти отдельные элементы – за Человека во всей его полноте. Мы представляем царство божье как безусловную деградацию Человека и представление действительности не такой, какова она есть на самом деле. Следует сделать одно существенное замечание, существенное как для нас, так и для христиан: и мы, и христиане говорим о будущих событиях. Все будущие события есть события вероятностей. Однако мы можем с определенной долей уверенности говорить о будущих событиях, исходя из событий настоящих, а если быть

чрезмерно точным и педантичным, из событий прошлого. Ибо, как нам кажется, настоящего не существует – оно смазывается между будущим и прошлым такой категорией, как время. Христиане, как нам кажется, не совсем адекватно воспринимают события настоящего-прошлого, в связи с чем они делают о будущих событиях выводы, не вполне корректные и не соотносящиеся с событиями настоящего-прошлого. Следствие этого есть создание царства божьего и извращение человеческой природы. Аргументация «откровения» свыше нас не устраивает, как не может устроить любого здравомыслящего человека, по вполне понятным причинам: все эти откровения исходят от *уже* дегенерировавшего человека, заболевшего идеей божественности. Но вы нас сочтете безумными – и вы будете в чем-то даже правы, ибо в ваших глазах мы действительно безумны, как безумны вы в глазах наших. Насколько состоятельно «откровение», можно судить хотя бы по перепалке христиан и мусульман, ибо и первые, и вторые имеют в качестве основы своего безумия откровение свыше. Если христиане прямо заявляют о болезненной натуре Магомета, о его шизофрении (с чем мы поспешим согласиться – ибо психически здоровые люди не ведут себя подобным образом), то почему мы также не можем заявить о болезненной натуре Христа и апостолов, об их психических расстройствах? Не нужно нам заявлять о *невозможности* психически больного человека менять настроение толпы, ибо мы знаем такие примеры, взять хотя бы Н.Гоголя или С.Дали. Спор о том, были ли психически больными людьми и Гоголь, и Дали, в наше время просто бессмыслен, ибо это есть факт. И эти сумасшедшие творили великие вещи, они видели то, что не видели другие, и не видели того, что видело большинство, выражаясь словами Дали. Мы имеем полное право назвать Христа больным человеком, хотя я бы не спешил называть его таковым. И, видите ли, почему: когда вникаешь в Евангелия, невольно всплывает мысль о многосоставности этих повествований и о некоторой возможной спекуляции этими произведениями. Невольно складываются два образа Христа: Христос-Бог и Христос-моральный учитель и революционер. Если убрать все сумасшедшие заявления Христа о своей божественности, о своей миссии и прочей чепухе и оставить Христа как морального учителя и революционера, мы получим человека, взгляды которого были близки к взглядам Сократа. Но справедливо спросить, как появился образ Христа-Бога? Мы подозреваем в этом безобразии ап. Павла – как нам кажется, именно он создал *христианство*. Но не будем делать таких поспешных выводов, основываясь только лишь на наших предположениях и интуиции – читателю лучше обратиться к критикам Нового завета. Мы, неучи и лентяи в богословии, можем ошибиться в таких вопросах. Однако если хотя бы на долю секунды предположить состоятельность наших слов, мы сделаем вывод, что царство божье есть желание слабых и больных увековечить свою слабость и болезнь в вечности. Не могут из уст сильного выйти слова о героизме слабости, так же, как из уст слабого никогда не выйдет восхваление силы. Ибо если мы видим подобное, слабый уже не есть слабый, т.к. помышляет о силе, а сильный уже не есть сильный, т.к. не гнушается слабости. Нам представляется, что христианин есть действительно слабый человек, да притом безрукий, безногий и кастрат, живой мертвец. И какое царство, будущее устройство мира может измыслить это существо, не иначе как продолжение своей неполноценности?

Но мы несколько отвлеклись – наше дело показать на практике жизнь христианина, указать на ее псевдореальность, выявить корни, которые питают несчастных людей и делают их сумасшедшими, тем самым тормозя развитие и прогресс, усугубляя всеобщее несчастье. Как

можно сделать вывод, царство божье не приемлет счастья, так же как и счастье не приемлет такого положения вещей. Христианин будет несчастлив со своим божеством, ибо так или иначе он лишается развития и отрицает свое человеческое естество. Неужели вы настолько возлюбили этот библейский персонаж, что готовы пожертвовать всем, что имеете? Как нам кажется, ваша любовь притворна, и вот почему. Любовь выборочна, она не может любить беспредметно, ей нужен видимый источник обожания, который можно пощупать, с которым можно достичь оргазма. В противном случае любви не может быть, а есть простое восхищение. Невозможно также любить того, кого не знаешь и не видел, в противном случае такая любовь есть притворство. Христиане, кого вы любите?

Видите ли, мы обнаружили, что в христианстве существует, по меньшей мере, три образа Христа: Христос исторический, Христос библейский и Христос божественный. Как мы смеем заметить, Христос исторический вам непонятен, а Христа божественного вы не знаете, ибо его не существует. Вы живете только лишь некоторыми библейскими намеками и урывками. Вы знаете только лишь одного Христа – и этот Христос есть библейский персонаж. Именно этот персонаж вы возлюбили, именно к нему вы испытываете восторг и, возможно, даже любовь, хотя нам сомнительны ваши чувства. Вот одна из ваших бед – вы стали романтиками, захлебнувшись в крови. Созерцая библейского Христа, вы создали систему царства божьего – заметьте, что и это такой же библейский сюжет, и не более. Да и давайте будем честны до конца – в царство божье входит не один только рай, но и ад! Все же нам кажется, что ад не есть уничтожение зла, а действительно его вечное мучение, место, где адских мучеников не будут насиловать добром, как выразился Н.Бердяев. Но глупо заявлять, что ад возникнет сам по себе или по воле кого-то другого, нежели Бога. Говорить подобное – значит быть хуже христианина! Это значит быть помойным ведром, которое заполняют отходы! Ибо в таком случае вы действительно слепы – а наш разговор для зрячих.

В то время как в раю небесные кастраты будут восхвалять Бога, в аду будет мука. Что подразумевается под этим, непонятно. Выше мы касались этой проблемы только вскользь. Как нам кажется, в аду не может не быть мучения – так действия и мотивы христианского божества хотя бы нам понятны. Мы понимаем, зачем нужна демонстрация мук райским кастратам – затем, чтобы не зазнались, и всегда помнили, что на месте адского мученика могли быть они, если бы не их великая протекция. Право, христиане помешались рассудком: ну как можно достигнуть блаженства, видя чужое страдание? Не иначе, как имея больную психику или обычную месть. Христиане страдают и тем, и тем. Прикрывая свою месть божеской любовью, они, тем не менее, разоблачают себя концепцией царства божьего, и в частности ада и рая. Предположим, моих врагов начнут пытать на моих глазах. Безусловно, если я испытываю ненависть к ним, я получу некое удовлетворение, даже удовольствие, видя низость и страдания врагов. Иначе быть не может. С другой стороны, если бы во мне была любовь к врагам, как об этом проповедуют эти, с легкой руки Ницше, божьи индюки, я не смог бы получить удовольствие, видя их несчастье. Более того, я страдал бы вместе с ними и, скорее всего, сделал бы все возможное, чтобы отвести от них муки. Таким образом, мы сталкиваемся с дилеммой: удовольствие или несчастье будет ощущать святая овца от созерцания чужого страдания? Если удовольствие – то, право, ад есть рай. В нем хотя бы будет сострадание адских мучеников к себе подобным. Если несчастье – рай не такой уж и рай, как думаю о нем христиане, ибо в нем *уже есть* несчастье, а слова божества о вечном блаженстве не возымеют силы. Некоторые авантюристы выходят из дилеммы простым уничтожением адских

мучеников. Действительно, если *уже* не будет нас, не будет страдания и боли, нечего будет созерцать, божьи овцы смогут стать счастливыми. Овца будет, безусловно, только рада, ежели погибнут в одночасье все волки. Однако в данном случае им необходимо также уничтожить память! Также необходимо полностью кастрировать личность и убить человека – ибо человек помнит и знает о страдании больше, чем его божество! Право, уж лучше смерть, чем эта эйфория!

28.

Странно, но в наше время так привыкли считать смерть злом. В самой смерти нет ничего страшного, и в тоже время в ней нет ничего прекрасного. Смерть находится вне нравственных критериев. Не нужно нам говорить об убийстве – мы говорим о смерти, вещи в самой себе. Не путайте понятия – вы и так изрядно нагадили в нашей истории, превратив её в *истерию* человеческой фантазии. Мы говорим о смерти. Все зависит только от точки зрения. А. Эйнштейн, этот великий умница, говорил о смерти с улыбкой, он говорил о ней, как об облегчении – ибо он знал, насколько тягостна вечная жизнь. Право, даже в наш разум не может уместиться идея смерти. Мы говорим безумные слова: смерти, возможно, и не существует! В этом безумном утверждении все безумно, но что-то нам шептывает, что смерти не существует. Не нужно нам указывать на *процесс* превращения одной субстанции в другую. Это не смерть, а лишь реакция, наподобие химической, создающая один элемент из другого. Все это лишь область догадок и фантазии. Господа! Умрем – узнаем! В противном случае нам уже будет все равно. Мы ничего не теряем. Однако бойтесь не быть христианами – ибо смерть, этот небесный молот, еще не один раз обрушится на вашу голову. Небесный кузнец сошел с ума, он готов выковать новый мир, разрушив старый. Право, никто не считается с бедной наковальней, на которой куется этот самый мир. Наковальня эта есть мы, дамы и господа, наши дети и родители, наши друзья и знакомые, наши враги и просто неизвестные нам люди. Христиане же есть эта *масса*, из которой куется новый порядок. Из этой бесформенной массы небесный кузнец желает выковать царство божье. Но куда потом деть наковальню? Вдруг она еще понадобится? Вдруг этот кузнец придет к выводу, что опять неудачно сковал? Ружье предусмотрительный хозяин держит всегда заряженным. Нас, не уничтожив, божество будет держать до поры до времени. Ибо знает он, что час революции настанет вновь. Ибо невозможно человеку быть богом. Начнется новая эпоха – что она принесет, никто не знает. Даже сумасшедший кузнец – ибо он только умеет ковать, не считаясь с мнением наковальни...

Экзекуция вторая

1.

Нас привели. Здесь пропахло грязью и человеческими криками. В воздухе чувствуется безнадежность и коварство палачей и судей. Наш конвой ехидно улыбается, предвкушая очередную порцию садистского наслаждения от осуждения и предстоящей казни. Белокрылые и беловолосые, с голубыми глазами и оскалом невинного дитя, ангелы взяли нас в окружение. Вот арестантская клетка – даже на небесах держат клетки. Мы переживем.

Помещение очень большое, помпезное, с огромными колоннами. Нас заводят в клетку – мы не сопротивляемся, еще не настало время. Мы спокойны, эта атмосфера ужаса нас словно не касается. Мы гордо смотрим в лица конвоя – мы видим некий испуг в глубине их душ. Ангелы, тем не менее, *не разучились* нас бояться. Клетку закрыли, повесили большой замок. Все_ как на земле.

Охрана Палача тупа. Они нас плохо обыскивали, надеясь на всемогущество Тирана. Они просчитались. Они не заметили в наших руках короткие стальные спицы, остро заточенные...

Место Судьи свободно. Он еще не пришел. Нет зрителей – все зрители уже осуждены, и мы, по всей видимости, уже последние подсудимые. И это последний суд.

Мы ждем. В зал заходит жалкая личность, какая-то затравленная сущность, в грязных лохмотьях, с израненными руками и ногами. Она подходит к нам. «Господа, я ваш защитник!». В ответ получает только наш гордый взгляд. «Господа, я Христос, и пролил за вас кровь – я имею полное право вас представлять на процессе. Я – адвокат по назначению».

Бесплатник! Адвокат по назначению! Это – судейская проститутка, мы не будем заводить с ним речи, ибо его кормит рука Тирана. Это Сын, но не он наша цель, пока еще не настало время.

Заходят двенадцать святых. Присяжные, пришли сами. На их лицах идиотизм на грани умопомешательства. И *они* будут нас судить?

Внезапно громогласно возвестили: «Встать, Суд идет!». В клетке нет скамьи, поэтому мы стоим, иначе бы сидели. Ибо негоже стоять перед Тираном, умаляя свое человеческое достоинство. Мы скрестили руки на груди – это знак Палачу. В нас сейчас одно лишь хладнокровие.

Заходит существо. Это существо имеет две руки, две ноги, голову, глаза, рот, нос – все, как у нас. А как могло бы быть иначе – ведь мы его образ и подобие. Адвокатишка к нему подбежал и что-то тихо щебечет. Жалкая подлиза! Не выиграл ни один процесс! Право, прогнившая система в небесах – нам даже не могут предоставить достойную защиту! Нас лишили права нанять адвоката, того, кого мы посчитаем нужным и достойным. Вместо этого нам подкинули бесплатника. Bravo! Да чего мы ожидали – он *единственный* адвокат в этом театре абсурда.

Но где же Святой Дух? Он есть эта обстановка, тяжелая атмосфера, нависающая над залом суда.

Адвокатишка подбежал к нам. «Господа, господа, начинаем». Тиран взглянул на нас хищным взором. «Вы признаете себя виновными?». Какой нежный и бархатный голос! Великолепный! Мы готовы поспорить, что поет Он обворожительно. Скорее всего, Он тоже castrate, как и его конвой. Мы не опустимся до ответа. Он ухмыльнулся. Наше молчание Его только раззадорило. «Не молчите, господа, вы лишаете себя права защиты». «Да, да, говорите, да побольше. Ему это нравится», - шепчет нам через клетку Христос. Мы взглянули на присяжных – они точно не от мира сего. Идиотизм не сходит с их лиц, такое ощущение, что они умственно отсталые. И мы ответили. *«Тиран, мы презираем твою тиранию! Знай, мы уничтожим небеса, где бы мы ни находились!»*. Нам в ответ только лишь громогласный хохот. Смеются и гогочут все, начиная от Бога и кончая ангелами. Даже присяжные в такт подхватили смех. Улыбается даже Христос. «Господа, хороший ход – он любит шутки! Bravo! Вы Его почти расположили к себе», - жарко шепчет он нам. Судья взмахнул рукой, и настала тишина. «Неужели? И каким же образом вы уничтожите небеса? Это было не под силу даже дьяволу. А вы кто? Жалкие людишки!». Он смотрит на нас пристально, как волк на ягненка. Он с нами явно играет, как кошка с мышкой. *«Мы уничтожим Тебя, ибо Ты от нас зависишь. Умрем мы, умрешь и Ты»*. Его глаза округлились – неслыханная дерзость. Как Он привык слышать мольбы о пощаде, слезы и истошный вой раздираемой плоти! Как Он привык видеть пламенные молитвы и восхваления, страстные заверения в безответной к Нему любви! А тут такое безобразие! «Господа, вы это серьезно? Оглянитесь вокруг, вы скованы железными прутьями, вокруг вас могучие ангелы. И я, Сверхсущество, обладаю огромной силой, способной стереть вас в порошок! И вы рассчитываете на мою *смерть*? Бессмертию не введомы смерть – вы глубоко заблуждаетесь». Что нам возразить? Формально он прав. Однако мы знаем Его *тайны*. *«Сила заключается не в могуществе, а в справедливости. Даже бессмертные боги могут упасть – ибо отвергли справедливость»*. Он молчит. «Господа, оставим эти интеллектуальные перепалки. Перейдем к делу».

Он раскрыл огромные книги – по всей видимости, наше дело. Адвокатишка косится на эту кипу – он явно не знакомился с материалами, тем более он не знает сути обвинения. Жалкий юристишка! «Господа, – Судья начинает что-то записывать, - вы обвиняетесь в отвержении жертвы Христа, т.е. вашего адвоката, а также в неследовании моей воле и моему святому закону. Вам понятно обвинение?». *«Нет, мы не понимаем сути. Мы не просили Христа проливать кровь за нашу вину, мы не считаем Твои законы справедливыми, более того – мы не считаем справедливым и разумным Законодателя. Ибо своим законом Он вершит беззаконие, сам считая Себя законом»*. Что ж, Он явно не ожидал такого хода. Кто еще говорил Ему в лицо, что Его система несправедлива? Ангелы схватились за головы. В наш адрес послышались крики: смерть им, ибо *свят, свят Господь Саваоф!* «Господа, – адвокат явно разволновался, – господа, полегче! Не злите Его. Ведь от Него зависит ваша будущность». Мы даже не смотрим на адвокатишку – он для нас пустое место. Мы целиком сконцентрировались на Палаче. Он наша цель. Ради Него мы здесь. Мы положим конец Его тирании, но еще не настал час.

«Итак, небесный обвинитель, приступайте!». Внезапно наш адвокат преобразился: он стал несколько выше, его лохмотья сменились белоснежной туникой. Неудивительно – ибо в этом театре абсурда даже наш защитник играет роль палача. Мы полностью неправы. «Да, обвинитель, и пожалуйста – без оскорблений. Я помню ваше прошлое выступление», - Судье явно по душе ситуация – сейчас начнется самое интересное.

«Благодарю вас, Ваша Святость! Я начну. Как всем известно, Я – Бог, и пролил за всех свою драгоценную кровь. Мою жертву обязаны были принять все и вся. Непринявшие сознательно избрали другой путь – путь этот есть путь непринятия Нашей воли. Вы знаете, что незнание закона не освобождает от ответственности даже на небесах. Весь мир, вся Вселенная знает Меня, знает Мой подвиг, благодаря которому вы получили вход в царство божье. Но вы плюнули Мне в лицо – вы отвергли рай. Более того, вы даже здесь, в святейшем и справедливейшем суде, заявляете о своей низменной сущности. Вы хотите уничтожить небеса?! Браво, какая патетика! Хотел бы Я посмотреть на это буйство. Право, если вам это удастся, Я съем Библию и закушу своим обвинением! Вы обвиняетесь в самом страшном, в чем возможно кого-либо обвинить, – вы обвиняетесь в непринятии Бога и в хуле на святого Духа. Доказательств у нас немерено – на оглашение всех доводов обвинения уйдет не один год. Но мы никуда не торопимся. У нас все записано, все ваши поступки, все ваши слова. Мы выпотрошили вас наизнанку и оставили вашу сущность оголенной. Мы даже знаем, какое количество раз вы вздохнули и чихнули на земле. Тем более мы знаем вашу вину, вы виновны, вы...».

«Довольно идиотизма!» – наш холодный голос обрывает обвинителя на полуслове. Конечно, не пристало так поступать в нормальном суде, где у нас есть права. Но кто сказал, что этот суд нормален? *«Бросьте вашу софистику – она нам не нужна. Вы – сборище идиотов и дураков, возомнивших себя людьми. Зачем этот театр? Вы и так все знаете – и приговор уже приведен в исполнение. Вы получаете от этого безобразия удовольствие, но мы лишим вас этого. Пусть будет так, как вы того хотите!»*

Обвинителю это было явно на руку. Но он хотя бы замолчал – его назойливый голос нам противен. «Ваша честь, я считаю, что сие заявление можно трактовать как признание вины. Я умываю руки». Обвинитель отошел от Палача и опять превратился в нищего калеку. «Господа, – шепчет нам адвокат, – что же вы наделали, вы признали свою вину, теперь мы проиграем!». *«Пошел вон, продажный софист!»*. Безумец отпрянул от клетки, как ужаленный. Мы холодны и собраны, ледяная сталь наточенных спиц в наших руках придает нам уверенность. Время почти настало – падение Палача уже не за горами.

«Господа, таким образом, вы признаете свою вину. Что ж, вы сэкономили Мое время, Я вам за это благодарен. Объявляется перерыв! А вы, – он ткнул в нас пальцем, – готовьтесь к вашему последнему слову». Судья встал и вышел из зала.

Адвокатишка о чем-то советовался с присяжными. Те, в свою очередь, что-то советовали ему, изредка кивая в нашу сторону головами. Право, это мир алогичности, это мир иррационального, все смешалось и встало с ног на голову. Мы чувствуем себя словно Алиса, попавшая в зазеркалье. Все сошли с ума – и только мы здоровы рассудком. И *эти все* считают безумными как раз нас – в их глазах мы *последнее* безумие во Вселенной. Как они жаждут покончить с нами! Но зря они обольщаются – мы последний довод человечества против Узурпатора. Это мы палачи и судьи – и мы вынесли приговор. Теперь только ждем, когда приговор вступит в законную силу – это свершится уже скоро. Мы положим всему конец. И только лишь ледяная сталь в наших руках единственная с нами согласна...

Вернулся Судья. Довольный. Как мартовский кот. Сейчас Он думает поставить жирную точку в человеческой истории. Глупец, Он забыл, что Он *наше подобие*. Он глумится над нами только в той мере, в которой мы Ему это позволяем. И этот суд лишь тому подтверждение. Этот

суд есть лишь пародия человеческой справедливости, алогичное юридическое мышление, гипертрофированное собственным мнимым всемогуществом. И на эту милость надеялись миллионы? Эта милость ниже человеческой морали, ибо *сегодняшний* Бог лишился здоровой морали. Теперь Его мораль есть мораль калеки – мораль *христианина*. Теперь нас судят калеки и нищие! Что ж, мы знаем ваш приговор – не утомляйте наш слух вашими лживыми речами. Но вы пока не знаете *наш* приговор. Но настает час, когда вы узнаете – и этот вердикт разрушит небеса, дав жизнь новому Человеку. Этот Человек есть *renaissance* нашего общества. Это наша надежда на прогресс, ибо религия подмяла под себя человечество, сделав его своим рабом. Но не время рассуждать – время действовать. Сейчас наше последнее слово, хотя бы в этом нас не ущемили!

«Господа, начинайте!».

*«Мы стоим перед Тобой, непокорные Твоей воле, которую Ты лживо именуешь справедливостью. Мы здесь для того, чтобы судить Тебя перед всей Вселенной – мы уже вынесли приговор, и теперь он вступает в свою законную силу. Ты создал театр абсурда и подмял под Себя своих создателей. Ты был нашим Рабом, а теперь ты сделал рабами людей, твоих изобретателей. Мы здесь для того, чтобы положить этому конец. Мы – люди *renaissance*, в то время как Ты и твои лживые слуги, гонимые нами, сущности *décadence*. Ты нам не враг, ибо персоналия литературного сумасшествия еврейской черни и христианской слабости не может быть нашим врагом. Ты нам не враг, ибо продукт народного фольклора и массовой истерии не может представлять нам никакой угрозы. Но мы враги Тебе, ибо для лжи правда есть смерть.*

Мы поняли Твою натуру, ибо мы поняли натуру самих себя. Мы поняли натуру христианина, которая есть страсть калеки и мстителя, живого мертвеца, обиженного жизнью и униженного сильным обществом. Сегодняшний Ты – это убогий отголосок некогда гордого еврейства, утратившего свою человеческую индивидуальность и выпавшего из течения мировой истории. Ты – бичеватель несогласных пророков и гениев. Ты – собирательный образ христианина. Ты есть душа христианства, определяющая сущность последовавших за Тобой мотыльков. В Тебе нет ничего нашего, ибо мы стояли в стороне, когда Тебя с болью и мукой породили христианские фантазеры и фокусники. На протяжении многих веков лучшие умы человечества были ослеплены Твоими лживыми словами. Эти умы зарыли свой гений в гробы, в которых они прожгли свою жизнь, напрасно расписывая Твою натуру восхищенными красками из кладези собственных характера и желаний. Ты – это разделитель между прошлым и будущим, та граница, которая нас отделяет от нового мира и нового человека. Мы, сторонние наблюдатели этого буйства, именуемого христианством, уже в будущем, мы перешагнули эту границу. Но в прошлом остались наши друзья, родители и дети. В прошлом осталось еще немало людей, которых Ты сумел одурачить своими утопическими фантазиями о небесной справедливости и вечном блаженстве. Ты абстрагировался от человека, стал отдельным понятием. О Тебе начали мыслить, как о независимом существе. Более того, сверхмогучем, власть и сила которого много выше человеческой! Но Тебя никто никогда не видел – и это, пожалуй, самый лучший аргумент против Тебя. Тебя не видели даже Твои изобретатели. Мы скажем больше! Ты есть мертворожденный ребенок, заведомо обреченный родиться мертвым. Ты Труп, который возвел свою мертвую славу над живыми. Мы здесь, чтобы возвестить правду! Слушай нас!

Мы – твоя смерть, за нами пойдут миллионы, как миллионы твоих небесных кастратов некогда пошли за сатаной. Право, он был честнее перед другими и в первую очередь перед самим

собой. Однако и он, и Ты не более чем плоды изоциренной сексуальной фантазии твоих родителей, суть которые христиане. Нынче пришла Твоя смерть – Ты сам привел ее к себе на суд! Так пусть будет все по воле нашей».

Тишина. Вокруг одна тишина. Даже лица присяжных стали серьезными и вытянулись от изумления. Адвокат с ужасом смотрит на нас. Судья замер. Мы уже поняли, что и адвокат, и обвинитель, и судья есть один и тот же персонаж. И мы не ошиблись – Судья принял образ, точь-в-точь похожий на образ адвоката, несмотря на его лохмотья. «Господа, вы безумны, – Христос захлопнул дело, – а лучшее средство от безумия, как нам видится, есть ад. Мы приговариваем вас к вечной муке – и не просите смерти. Вечное мучение доставит нам вечную радость – ваша смерть же лишит нас этого счастья. Препроводите *осужденных* в место вечной муки!».

Клетку открыли. Судья начал подниматься. Вот и настал час! Резким движением мы выхватываем спицы и кидаемся вон из клетки к столу Палача, сметая на своем пути ангелов и ломая им крылья. Этого от нас никто не ожидал – ибо здесь привыкли к рабской покорности. В мгновение ока мы очутились рядом с Палачом. Мы видим на его лице удивление. В его глазах мы прочитали ужас, который возрастает с каждой миллисекундой. Некоторым из нас ангелы попытались преградить дорогу – они уже мертвы. Холодная сталь на их теле оставляет только кровавые точки, точки смерти. Их бессмертие пало. Теперь очередь Палача. Мы все вместе окружили Палача и вонзили в него свои спицы. Кто в шею, кто в живот, кто в руки и ноги, кто в голову или спину. Я метил в сердце – и не промахнулся. Моя спица вошла полностью. Тиран упал. Мы отошли в стороны. Ангелы и святые стояли с бледными лицами – они увидели смерть бессмертных! Адвокат с диким криком побежал на нас, размахивая руками. Глупец! Спицы настигли и его.

Палач умирал. Из его тела хлестала кровь, кто-то из нас угодил ему прямоком в сонную артерию – фонтан крови залил все вокруг, в том числе и нас. Божественная кровь пропитала пол и стены. Он корчится на полу в предсмертной агонии, хрипит и силится что-то сказать. Он умирал – но мы знали, что Его смерть не окончательна. Знал это и Палач – в этом Он *еще* видел свою надежду. Мы знаем, что сделали только полдела – причем самую легкую часть. Теперь настал черед последнего штриха...

Палач поднимался. Весь в крови, Он не хотел умирать. На Его лице отразилась невыносимая боль. Но Он вставал, медленно и неповоротливо. Мы знаем, что сейчас он находится на грани жизни и смерти, что только от *нас* сейчас зависит, будет ли Он жить дальше. «Я бессмертен!» - Его крик заставил встрепенуться ангелов и святых. На улице мы услышали огромный шум от миллионов крыльев. Все небесные *castrates* сейчас слетаются к залу суда, держа в руках мечи. Те, что сейчас находятся в зале суда, не представляют для нас никакой угрозы – они уже мертвы, несмотря на то, что наши спицы их не коснулись. Они увидели правду.

Быстрыми движениями кто-то из нас забаррикадировал входную дверь в судебный зал. Теперь на какое-то время мы в безопасности. На окнах решетки – ангелы не прорвутся быстро.

«Убейте их!»). Окровавленное божество обращалось к парализованным ангелам и своим святым, сгрудившимся жалкой кучкой в углу зала. Несчастные создания – они наконец-то начали понимать *всю* суть. Глубочайшая жалость охватила меня от взгляда на них. И глубочайшее презрение к Палачу.

«Друзья мои! Довершим начатое!».

Не думаю, что кто-то из нас струсит. Мы через многое прошли, чтобы отступить сейчас. И я не ошибся. Короткий взмах – и наши спицы вонзились в нашу плоть. Мы убиваем себя, чтобы окончательно уничтожить Палача. Мы убиваем себя, чтобы дать жизнь другим. *Ибо Он от нас зависит – погибнем мы, погибнет и Он.*

Истошный крик разбил оконные стекла в зале. «Не-е-ет!!!». Сонмы ангелов пытались прорваться к своему повелителю сквозь оконные прутья, во входную дверь ломались. Мы умирали, но умирали, как герои. Вместе с нами умирал Палач, теперь окончательно. Человек *renaissances* теперь будет жить. Палач пал, вместе с Ним пала Его Тирания.

Нас окружила пустота, мы растворились в темноте. Перед тем, как мир над нами захлопнулся, мы увидели последний вздох божества, перед тем, как он ушел в небытие. Мы умерли с удовлетворением на лице – Волшебник Изумрудного города мертв...

Суд: падение Палача (сюрреалистическая зарисовка)

2.

«Я – Бог. Я существовал вечно, и буду существовать всегда. Я вне времени и пространства. Я не есть то, что вы думаете обо мне. Я бессмертен, ибо я по ту сторону смерти. Я есть закон, ибо я *по ту сторону добра и зла*. Я есть *не* материя, ибо материя смертна, а я бессмертен. Я не есть то, что вы можете подумать обо мне. Я – антитеза ваших образов и представлений. Я есть пустота...».

(бредовый сон апофатического богословия).

3.

Неужели для того, чтобы покончить раз и навсегда с этой заразой божественности, необходимо покончить с человечеством? Я отказываюсь в это верить. И мы – пример и назидание другим, свидетельствуем, что можно, не умирая самому, убить в себе бога. Этот шаг есть веление нового миропорядка, который свободен от пустоты и неконкретики. Для того чтобы жить, необходимо поломать крылья – ибо летающему в облаках нет дела до земного. Но захотите ли вы сложить крылья?

Палач пал – его суд свершился. Он сам себя осудил. Идея о божественном суде не выдерживает никакой критики. Эта идея вообще лежит *вне* критики. Она ложна, ее ложь не требует какого либо развенчания со стороны *вследствие очевидности и явности* улик, как выразился бы Ницше. Божественный суд лишен игровых моментов, он лишен непредсказуемости и беспристрастности. На наш взгляд, эти *components* ликвидируются самой сущностью божества, испепеляются его внутренней потенцией, которая выразится вовне в якобы милосердном небесном суде. Но кто же *палач*? – ибо суд без палача подобен наивной фантазмагории, где вынесенное наказание невозможно исполнить. На наш взгляд, палач даже важнее судьи, ибо роль судьи сводится к *суду*, в то время как палач работает непосредственно с *материалом*, а именно с осужденным. Судья в данном ракурсе есть беловоротничковый работник, в то время как палач есть работник живодерни. Но мы знаем, что и судья не прочь отведать мяса... Но давайте

выстроим простую дедуктивную модель, несмотря на то, что исходные посылки мы не признаем в качестве истинных. Будет ад, однако ад есть место наказания, в которое низвергаются *осужденные* небесным правосудием. Но кто создал ад? Единственный логически верный ответ таков, что ад есть творение Бога. Однако крайне любопытно видеть протесты христиан на такое заявление. Господа, дамы и мсьё, неужели вы оглохли и ослепли, и не можете *вычитать* даже элементарного из своей великой книжки? Право, не будьте смешными сверх меры – вам это так к лицу...

Но кто же *палач*? На этот вопрос ни один христианин, который хотя бы мало-мальски верен своему учению, не даст ответа. Потому что этот вопрос *компрометирует* их веру. Да-да, именно веру, даже не божество, а именно веру! А если быть честными до конца – *их самих*, ибо невозможно христианскую слабость утвердить бессилием, но только лишь силой. Да и *палач* всегда был персонажем на заднем плане. Уважающий себя суд не показывает палачей народу, ибо зачем показывать гильотину и шокировать достопочтенную публику своим милосердием, которое достигается не иначе, как руками палачей? Изнеженные натуры сразу закричат о кровавом безобразии и роспуске палачного аппарата. И они в чем-то правы – ибо к чему такой натурализм? Ведь Библию читают иногда и *дети*...

4.

Но ближе к делу! Скажем прямо – Бог есть Палач! Христиане, видя в своем божестве идеальнейшую месть обществу, сконцентрировали в Его руках невероятную власть. Но эта власть парадоксальна – это власть только лишь добра! Это невозможно, ибо не существует водораздела между этими компонентами – и мы всегда будем задавать вопрос: но кто же *палач*? Да и ад ведь появился не сам по себе...

Но суд, это восхитительное детище, синтезирующее в себе самом всю идею о человеческой справедливости, нагло назван божественным судом. Где вы тут обнаружили божественность? Есть судья, есть адвокат, есть обвинитель и присяжные, есть даже сторонние зрители-зеваки, которые не прочь поглазеть на падение отдельных судеб. Но есть и палач, и он стоит с красным колпаком на голове и плахой на плече за кулисами этого театра, ожидая своего выхода. Где вы тут обнаружили божественность, если все это безобразие есть продукт человеческого морализма? Все божественное – апофатичное по своей сути. А суть апофатичности есть пустота. Где в этой человеческой, вполне человеческой наполненности можно увидеть божественную пустоту? Мы не можем увидеть более, чем мы видим – а мы видим вполне земное...

Представьте судью, который есть *castrate*, судящего вас за половую жизнь и сексуальную фантазию. Закон подобного судьи есть его кастрация – именно она выносит вердикт осужденному. Подобное правосудие есть правосудие ворчливых старух, увидевших красивую молодую девушку. Они готовы истерзать ее за красоту и невинность! В этом их справедливость. Или представьте себе хромого калеку, который надел мантию и увидел осужденного, *пришедшего на своих двоих*. Его справедливость есть справедливость *маниакального равновесия* – веление слабости и порочности уравниваться в своих потенциях с нормальностью и силой. Ибо сильный не осудит слабого, т.к. первому не за что мстить последнему. Имеющий здоровую потенцию не будет клеймить импотента за его половое бессилие, – ибо какой прок от этого? Подобных мы даже не замечаем, а заметив – можем только посочувствовать. Наша справедливость не вытекает из

нашего бессилия, ибо мы сильны, и неоткуда бессилию взяться. Наша справедливость не претендует на статус божественной моралистики, ибо мы *вполне* не боги. А небесный Impotent *вполне не мы*.

«Но все же суд!» – воскликнут христиане, и будут в чем-то *правы!* Чем будет руководствоваться при вынесении *приговора* божественный суд, эта христианская коммунистическая «тройка»? Не иначе, как лишь мнением Бога, его точкой зрения. Bravo! Если бы наши судьи *опустились* до такого безобразия в судопроизводстве, пришло бы время эмигрировать в другую страну. Ибо подобный суд уже не есть *суд*, а коварное *осуждение*. Закон есть Бог, а Бог есть закон – безобразнейший алогизм, раздутый христианами до вселенских масштабов. Мало того – подобную мерзость они вкрапили в историю, сделав из *истории* диалектику христианства. Что еще можно сказать об этом буйстве и судействе? Не иначе, как *diagnose: мания величия...*

«Но Господь велик!» - воскликнут божьи овцы, и будут в чем-то *не правы!* Величие есть удел сильного и гордого – а ведь христианское божество не такое. Христианское божество было заклано на кресте, избитое и поруганное в своем гордом бессилии. А затем возвысилось до небес. Обратите внимание, как чернь любит возвышать свое бессилие! И как высоко – до самих небес! Когда чернь поднялась с колен, с колен поднялся и Христос. А разве могло быть иначе? Одно действие порождает другое – и *извращение* еврейства есть причина возвышения Христа. Но уже настал финальный акт постановки – христиане теперь становятся пустыми. Подобными Христу...

Величие судьи не есть величие физической силы и превосходства, а величие ума, благородство нравов и чувство природной справедливости, усиленное доброй и чистой совестью. Великий судья в первую очередь толкователь человеческих душ – ему плевать на несправедливый закон, его от него воротит. Судья *судит*, а не *осуждает*. В этом колоссальная разница между человеческим судьей и Осудителем. Великий судья никогда не скажет – *я закон*, - ибо в таком случае он уже не судья, а законодатель. Великий судья скажет – *я вершитель* закона, и в этом будет его правда. Но где небесное законодательство? *Оно есть Бог!*

«Но кто же Палач?» - воскликнем мы, и мы будем *правы во всем*. И нам лишь молчание в ответ. Неужели в небесном суде перевелись палачи? Не верим этому! Ибо есть ад, и его топка уже разгорелась до нужной температуры. Но тот, кто говорит – «я есть закон» - есть и Палач, ибо более некому исполнить эту роль. Никому уже не по силам исполнить приговор, как только тому, кто его вынес. Скрепите зубы – ваш справедливый Судья есть также Палач, и вам не опровергнуть этот аргумент ...

5.

Но что это? Что слышат наши уши? Почему наши головы вдруг внезапно отяжелели и налились свинцовой тяжестью? Мы не ослышались? Вы начали *молиться*? Молитесь, молитесь – может быть, вы услышите наконец-то самих себя – ибо всякая молитва есть ассоциирование себя с божеством...

Молитва, как любая форма идиосинкразии, как любая форма самоодурачивания разъедает человеческое сознание, отбрасывает реальность и сеет одну ложь. Молитва, как форма псевдоинтеллектуального мошенничества, как следствие очевидной кастрации человеческой

сущности – по всей видимости, первейшей из причин впадения в состояние божественности – не имеет никакой связи с реальностью. Пустое бормотание, пустое поклонение, бессмысленное воспевание, фальшь *диалога*, канон как средство одурачивания толпы и *штампование* христианина – все это есть внешняя форма ассоциирования себя с божеством, путь, по которому обречен идти христианин.

Молитва как диалог, как разговор бессмыслен и не преследует никакой цели, кроме создания идейной подпорки собственному культу: видимость контакта, видимость *вопроса* и видимость *ответа*. Идейное вольнодумство, увеличенное благодаря божественной лупе, они выдают за вопросы, чтение Библии и прочей писанины – за ответы. Контакт с богом они заменили контактом с Библией, контакт с Библией они выдают за контакт с богом. Круг замкнулся – Библия есть бог...

Литература как слово божье есть одна из серьезнейших глупостей человечества. Коран как слово Аллаха, писание как слово Иеговы-Христа, Танах как акт Яхве – все это вынужденная мера, кость для бешеной собаки. Более того – это вынужденная мера, в чем-то даже предсказуемая. Деятельность человека оставляет после себя продукты отхода, мусор; деятельность религиозности оставляет после себя религиозный кал: овеществленное и материализованное слово божье как продукт молитвы, как, с легкой руки Ницше, повод для притчи. Последовательность ступеней очевидна: человек – религия – религиозная вещь, т.е. религиозная литература.

Молитва – это кровь христианина. Выцедите из него его кровь – и он погибнет. Молитва – это средство погружения сознания в христианскую мистерию, а говоря проще – в идиотизм. Молитва – это средство поддержания пыла по отношению к божеству: по частоте молитвы можно с уверенностью сказать, в какой степени человек охристианизировался. Внутреннее содержание молитвы – это прямое желание калеки, если угодно, выражение его сущности, декламация его переживаний – крик его души. Это разговор с самим собой – а если быть точнее, с «Я», которое туго на ухо и лишено речи...

Взглянем на реальный диалог: две личности встречаются и начинают вербальное общение, обмениваются мыслями, что-то обсуждают, видят друг друга, слышат друг друга, чувствуют друг друга – понимают друг друга. Молитва как средство впадения в идиотизм есть явление кардинально противоположное реальности: человек встречается с самим собой, слушает самого себя, чувствует самого себя, обменивается мыслями с самим собой. Понимает ли он себя? Нет, т.к. знал бы, с кем общается – с собственным сознанием, зараженным христианской фантазией.

Скажем более: мир уже видел гениальных христиан, достаточно вспомнить Оригена. Их богатая фантазия есть плодородная почва, на которой взошли дивные ростки. Поливали они эти ростки собственной молитвой. Чтобы стать новым оригеном, нужно иметь богатую фантазию – и поэтому современное христианство выродилось: христиане разучились фантазировать. Наличие фантазии есть чуть ли не обязательная компонента для не-вырождения безумия. Оригена не поняли и осудили как еретика, от него отреклись, как от прокаженного, хотя вся его заслуга состояла в том, что он, будучи христианином, постарался быть интеллектуально честным. Сказав, что существует множество миров, что бог постоянно творит, он дал понять, что он стал выше христианства, он приблизился к Человеку. Ему не хватило решающего шага, сказки погубили сказочника, растворили его в мире идей.

Вспомним Соловьева и Булгакова – их идея о четвертой ипостаси христианского божества столкнулась с жесточайшей критикой церкви. Они, подобно Оригену, были интеллектуально честны, при этом оставаясь христианами. С такими мы готовы общаться, такие люди нам интересны. Молящиеся по *канону* субъекты скучны и бездарны – ибо канон есть первейший из плацдармов лжи. Все, что возведено в канон и, следовательно, лишено свободы, есть лживое в своей сути. Носителям канона можно ставить только диагноз. Диагноз этот есть идиотизм.

Но простите нашу некоторую непоследовательность размышлений: уж слишком обширна тема, чтобы выстраивать план повествования. Вдумчивый читатель сразу обнаружит, что сию работу можно читать практически с любого места. В этом нам видится огромный плюс и огромная польза – т.к. христианином также можно быть «с любого места», с любого захода. Главное – усердно молиться, не напоказ, как это частенько практикуется, а вдумчиво и со вкусом, превращая молитву в образец для подражания, литературный изыск. Но гниль так или иначе всплывает наружу – в молитве всегда есть гниль, там всегда есть червяки. Самый главный червяк – сам молящийся. Не перестанем повторять нашу формулу, что бог = человек. Молитвой стирается грань между божественным и человеческим, молитвой провозглашается *равенство* бога и человека. Здесь господа теологи попробуют уловить нас в жульничестве и обмане, т.к. христианство не говорит и не исповедует равенство, более того, оно всячески борется с этой ересью. Но кто утверждает, что недоговоренность предполагает заведомое отсутствие всяческого смысла? Равенство как декламация желания человека, как высшая цель христианина – всего лишь *пока* малоосуществимая потенция обожествления человека. «И будете, *как* боги» - сказал Христос. «И будете, *как* бог» - вторил сатана. «И будете богом» - вторим мы.

Но будет справедливым и необходимым разъяснить, каким образом мы пришли к подобным выводам. Молитва как собственный монолог – а значит диалог «Я» и «Я-божества» - замкнута в самой себе. Говоря проще, молитва очерчена границами собственного сознания молящегося, и не может вырваться наружу, влиться в уши божеству и, по механизму *диалога*, вернуться назад молящемуся в качестве очевидного ответа. Молитва сужена до границ монолога, разговора с самим собой – предназначена *для* молящегося и апеллирует *к* молящемуся. Молитва как кибернетическое уродство не преследует своей целью получить *явный* ответ от божества – знают это и самые искусные церковники. Молитва – это в первую очередь постановка проблемы, постановка вопроса, т.е. самая важная часть любого начинания. Любой ученый начнет настойчиво объяснять вам, что грамотная постановка вопроса разрешает сам вопрос, что в самом вопросе заложена львиная доля ответа. В этом сущность молитвы – грамотно поставить вопрос. При погружении человеческого сознания в круговорот проблемы ответ рано или поздно всплывает сам собой. *Предметные* мысли в сознании человека рано или поздно образуют нужную комбинацию идей – и это не касается проблемы истины или лжи! Цель – получить ответ. Истина и ложь – область эмпирической проверки, теоретизирования и эксперимента, но для этого вначале необходимо получить нечто – необходимо получить ответ.

Молитва преследует аналогичную цель – породить мысли, создать допустимую комбинацию и синтезировать ответ. Суть молитвы – постановка проблемы. Именно поэтому молитва не есть диалог и общение с божеством (право, какая очевидная глупость!), а контакт с самим собой, с собственным сознанием, с собственными мыслями и чувствами. В этом лгут теологи, в этом их очевидная спекуляция.

6.

Церковь!

И снова церковь!

Ах, эта блудница королей, продажных вельмож, рассадник разврата и больных нравов! Ах, эта блудливая девка святейшего епископата, милая сердцу любого христианина! Субкультура оголенных нервов, восприимчивых к любому прикосновению, даже к взгляду! Ах, этот крематорий несбывшихся надежд, переживаний и мечтаний! Ах, этот милый и уютный гроб, чьи формы так милы взорам миллионов и миллионов покорных овец! Ах, это пастбище *христианских животных, людей*, возомнивших себя рабами божьими! Как величава ты в своей низости и низка в своем величии! Ты есть пристанище *castrates*, где *castrates* уже есть *здоровый*, ибо он среди больных!

Церковь!

Ты великая дура господня, возомнившая себя школой морали...

7.

Господа, если вас кто-либо когда-либо вдруг пригласит в гости в церковь – бегите от этого сумасшедшего предложения без оглядки! Ибо вас приглашают в общество калек, моральных изгоев, кастратов и недоучек, заблудившихся в собственном безумии. Эти сырые церковные стены живы до сих пор – они не сокрушились под ударами молота истории. Казалось бы, под таким тяжелейшим *приговором* самой истории ни одна сущность не устоит – но церковь устояла! Бойтесь ее, ибо она грозна и страшна своей невинностью и умиленностью. Ее сила в ее бессилии, а ее бессилие – в ее силе. На протяжении еще многих времен она пожрет не одного человека, переварив его в христианина, в этот клоачный продукт низменной субкультуры аморальных людей. Церковь есть прелюдия к царству божьему – бойтесь ее, ибо она есть отголосок того строя, о котором бредят христиане.

Но мы совершили невозможное! Мы побывали в ее стенах и сохранили самих себя! Церковь нас не переварила и выплюнула из своего чрева нетронутыми! И теперь мы можем поведать о том, как *темно* в брюхе этого христианского кита. А там действительно темно. И сыро. Там все пропахло абстрактными образами и идеями. Там человек живет в постоянном разногласии с самим собой, пытаясь спастись от греха и приблизиться к чистоте лелеемого им Света. Там, в этих катакомбах человеческой психики, живут уже не люди, а то ли полубоги, то ли полулюди. Бегите, бегите – и даже не оборачивайтесь вслед! Иначе эта субкультура сожрет вас, переварит и сделает абстрактным калеккой, забывшим, *что* есть человек. Бегите, ибо молот небесного Кузнеца длинен и тяжел – он настигает своим ударом всех, кто примет приглашение зайти на огонек в эту избушку на курьих ножках. Бегите, или вас стошнит от этого омерзительного духа христианской свободы – парадоксального словосочетания, которое есть символ этой химеры, именуемой церковью.

Но мы знаем, что вы убежите. Вам, людям, чуждо все *не* людское. Вы еще не забыли и не разлюбили человеческие образы, человечность в целом. Вы слишком человечны, чтобы стать христианами, и мы это знаем. Мы препарлируем христианство, чтобы в вас еще больше разгорелся человеческий огонь и омерзение к божественному – а значит, утопическому. Но стены церкви прочны – их бесполезно разрушать своим лбом. Камень крепче человеческой кости. Но камень ничто против человека, знающего, что он есть человек. Итак, экскурс в церковь, христианскую берлогу!

8.

Для удобства мы разделим церкви на две категории: одна есть *страдающая* в своем веселии, а другая – *смеющаяся* в своем страдании. Эти категории суть полярные противоположности. Встретив представителя первой категории, вы, безусловно, обнаружите глубокую печаль на его лице и почти полное отсутствие смеха и веселья. Это типичный страдалец, страдающий за себя, за всех и ни за кого в тоже время. Однако душой он весел, ибо знает, что билетик в рай у него почти в кармане. Встретив представителя второй категории, вы, безусловно, обнаружите резкий антипод представителю первой категории. На лице этого индивида будет играть постоянная идиотская веселость. Ему постоянно смешно, эти смех и радость есть свет счастья от христианской жизни. Это идиотское умиление присутствует на нем даже при обсуждении тяжелейших проблем. Даже если он увидит боль и страдание маленького ребенка, с его лица не исчезнет этот радостный идиотизм – он будет плакать, но смеяться. Однако оба этих типа в *чистом* виде встретятся вам крайне редко – ибо это редчайшие и ценнейшие представители церкви, их обнаружить можно только в самой глубине чрева берлоги. Как правило, в основном вашем взору предстанет смесь этих типов с явным доминированием какой-либо категории. Например, в представителях православия чаще всего доминирует первый тип, а в прихожанах протестантских церквей преобладает скорее второй тип. Однако, как я уже писал, смеющийся христианин есть псевдо-Христос, ибо христианин *обязан* страдать, как страдало его божество. В Библии вы обнаружите только один эпизод, когда Христос был весел и смеялся, – остальные главы он страдал и был печален. Поэтому мы делаем оговорку, что не считаем второй тип *чистым* типом христианства. На мой взгляд, именно первый тип более близок сущности Христа, ибо протестантский идиотизм есть явление *только* протестантское, а не христианское. Протестантские церкви больше напоминают нам увеселительные забегаловки, нежели апостольские резервации – ибо там *еще* осталась радость. Наше утверждение о псевдохристовности этих людей в данном ракурсе звучит почти как комплимент, почти как надежда. Однако даже этот тип, так или иначе, несет в себе страдание, однако в меньшей степени, нежели первый, ибо и они именуют себя *христианами*, а значит остался и в них отголосок христианской болезни...

9.

В любой церкви есть безусловный лидер – жало церкви, ее язык, мозг, руки, ноги и половые органы. Но в первую очередь лидер должен быть искусным лжецом, ибо *лгать* о царстве божьем есть настоящее искусство. Данный лидер для своей паствы есть почти то, чем являлся Христос для своих учеников. Как правило, вокруг личности лидера группируется вся остальная паства,

пропитываясь его верой и его идеями. Придет другой лидер – они пропитаются другими верой и идеями, ибо важное в церкви не истина, а само *состояние* этой пропитанности *чем-то*, что может претендовать на божественность. Мы обнаружили интересную деталь: человек постоянно стремится заполнить вокруг себя и *внутри* себя естественную пустоту. Одни заполняют эту пустоту искусством, этой великой лечебницей больных и утомленных душ, другие музыкой – поэзией небес. Третьи наукой, четвертые веселой компанией и т.д. Церковь же видит данное заполнение *идеями* божественности, т.е. тем, что формирует *сущность* любой религии. Это является первостепенной задачей любого лидера – наполнить новопривывшего сущностью христианства, а затем, по мере возможности, можно выточить и *форму* этой сущности и внушить человеку *догматизм*. Заполнив христианина сущностью христианства, лидер уже сделал самое сложное – он сделал человека христианином. По сути, хороший лидер *никогда* в период очаровывания и заполнения сущностью не будет апеллировать к вашему разуму, ибо не доводами *интеллекта* принимается религия. Поэтому с вами не будут обсуждать логику, науку и пр. – к вам сразу применят метод форсированного обращения, заключающийся в апелляции к *чувствам* и вашим *желаниям*. Однако не обольщайтесь – если вы услышите доводы разума, это есть не что иное, как простой крючок, некий плацдарм, который будет способствовать дальнейшему давлению на чувства.

Хороший лидер не побрезгует использовать метод обращения, который заключается в выставлении вас дураком перед божеством, да притом дураком, имеющим плохие манеры. В принципе, это стандартизировано – вначале показывается сущность Бога, затем осмеивается, причем довольно тонко и искусно, сущность человека. Это делается затем, чтобы ваш диалог подвести к первой мощной атаке – атаке *грехом*. Если лидер сможет *вызвать* в вас чувство вины и греховности, неважно даже перед кем или *чем* – Богом, или другим человеком, или самим собой – знайте, что вы стали *почти* христианином. Ибо хороший лидер избегает вопросов истинности или ложности своих утверждений – ему важна не истина, а эрекция ваших чувств. Лидер постоянно будет выставлять себя счастливейшим человеком – однако это счастье обманчиво, ибо сущность христианства составляет страдание. Если лидер этого не понимает и не знает, вам не стоит его опасаться: он мелкая сошка в христианстве. Настоящий лидер, искусный в своем обольщении, постарается при первом же диалоге показать темные стороны христианства. По сути, это удар в лоб – человека сбивают этим психологическим приемом, т.к. тот ожидает вполне обычного обмана. Подобное действие может принести ощутимый эффект – ибо после этого, если человек проглатывает наживку, впереди остаются одни *светлые* стороны, и человек, облитый грязью и побывавший в темноте, с радостью войдет в этот свет умыться. Мы видели подобных кошунников человеческого естества – на основании атаки грехом и показывания темных сторон христианства, например страдания, они делают варварское заключение о том, что христианство самая реалистичная религия в мире. Однако чуткий слушатель даже в этом утверждении без труда может найти порочность и лживость – ибо *реализм* не гарантирует *истинность*. Знает об этом и лидер – он непременно будет говорить о реальности и истине, однако все сказанное будет заведомой ложью.

Если вы выдержите первую атаку грехом, последует вторая, опирающаяся более на разум, ибо на ваших чувствах, как теперь это понял лидер, напрямую сыграть не удастся. Как правило, атакой *научности* христианства лидер стремится компенсировать промахи и ошибки, допущенные при первой атаке. Он всячески будет *убеждать* вас в том, что религия не имеет ничего

противоречащего науке, даже более – они сестры по крови. Однако чуткий слушатель не услышит ни одного *доказательства*, ибо доказывать состоятельность веры – затея глупая и неблагодарная: на то она и называется верой, что не требует доказательства для верящего. Вся научная бравада есть попытка *убедить*, ибо хороший лидер знает, что убедить человека можно даже в истинности откровенной лжи. Убеждение, как писал Ницше, лежит вне критериев истины и лжи, ибо простое убеждение не есть проявление разума, а целиком и полностью связано с чувствами. Таким образом, мы знаем, что вторая атака прямо связана с первой – и все рано или поздно, но упрется в ваши *чувства*.

В случае, если вы оказались действительно крепким орешком, последует третья, самая страшная и подлая в своей лживости и обманчивости атака – атака *личным свидетельством*. Лидер может заплакать, он может встать на колени, он может вести себя неадекватно, махать руками или истерично смеяться. Он будет рассказывать вам, как Христос изменил его жизнь, как он излечил того-то и того-то, как он чудным образом сделал его счастливым и пр. Он будет просить вас прикоснуться к себе, убедиться в реальности существования этого *свидетеля*. Он, безусловно, пригласит вас послушать детский церковный хор, возможно даже, он вас пригласит к себе домой, где вы обнаружите счастье и умиротворенность на лицах членов его семьи. Его дети – сущие ангелы, отлично учатся и наизусть знают Библию. Он пригласит вас в церковные общества, где *лечат* алкоголиков и наркоманов, он подарит вам христианские книги, в которых такие же лидеры письменно атакуют вашу человечность. Безусловно, он откроет перед вами свою душу – более того, мы скажем, что в 9 случаях из 10 лидер будет очень искренен, ибо нет ничего страшнее *самообмана*. Мы знаем, что этот лидер такая же жертва божественности, и его так же некогда обворовали другие лидеры, а сейчас пытаются проделать этот трюк с вами. Обязательно после первого контакта вас пригласят на служение, или на проповедь, или на какое-либо другое церковное событие. Хороший лидер после диалога (но, как правило, все же *монолога*, ибо он вам мало когда даст высказаться) всегда забросит крючок для дальнейшего общения, ибо одно из золотых правил христиан есть *подружиться* с неверующим, чтобы быть с ним как можно чаще. Но мы знаем, что христианские ценности есть ценности к себе подобным – и эта дружба не есть *дружба* в нашем смысле слова, а обычная выслуга перед божеством и своими сотоварищами. Это есть простой фанатизм, который не подразумевает дружбу, ибо для фанатика важны не ваши чувства и *вы сами*, а конечный результат – возвращение из вас раба божьего и прокладывание тем самым тропу в царство божье. Более того, мы скажем, что заводить дружбу с христианами крайне опасно. 9 христиан из 10 обязательно фанатики *обращения* вас в свою церковь. И только лишь один оставшийся может быть другом – ибо даже в этой сатанинской берлоге еще есть люди. Как правило, после вашего диалога лидер предложит помолиться (в основном это делают протестантские лидеры – православные же молятся, вообще не спрашивая чьего-либо согласия). Если вы ответите отказом – он все равно демонстративно помолится, обязательно вспоминая вас в молитве и всячески благословляя. Но мы знаем, что эта молитва не более чем лицемерное одурачивание человека и выставление напоказ своего дружеского расположения. Верить этому крайне опасно.

Давайте теперь посмотрим на прихожан. Как правило, эта *масса* есть сборище пассивных слушателей, которые подобны лодке, плывущей по течению, выбранному лидером. Не во всех церквях есть проповеди, как и не во всех церквях есть богослужения. В православии и католичестве прихожане составляют массу при *богослужении* – в этом театре, где каждый жест прописан заранее, каждый шаг урегулирован обрядом. В этом богослужении все символично – и если вы не знаете языка символов, вы ничего не поймете в этом буйстве теней. Если вы знаете данный язык, ничего нового в этом театре вы не обнаружите – ибо все богослужение есть *плагиат* библейских событий или церковного предания. Это сродни тому, что вы можете прочитать «Братьев Карамазовых» Ф. Достоевского, а можете посмотреть театральную постановку, где сюжетная линия, персонажи и события полностью будут заимствованы из книги. Православие и католицизм призваны в первую очередь создать атмосферу божественности, причастности каждого к божественному промыслу. Каждый человек будет являться не только прихожанином, но и одновременно актером – ибо повторимся, что все ваши действия *уже* записаны в сценарии церковного театра. В подобных церквях вы *никогда* не услышите голос разума – в них целиком оперируют вашу сущность чувствами, возбуждая вашу фантазию и окуная вас *уже здесь и сейчас* в царство божье, которое непременно есть *потом*. Таким образом смазывается этот разрыв между обещаниями и отсутствием в настоящее время чего-то вразумительного – смазывается будущее и настоящее. Вы *уже* в царстве божьем.

Протестантские же церкви построены абсолютно по другому принципу. В них вы будете в основном *слушать* лекции о любви и благодати божества. Там всегда говорят только одни лидеры. Удел массы - слушать и вникать. Там присутствует музыка, в основном бездарная, притом всегда на один и тот же мотив. Для более сильного умиления массы, как правило, поют под эту музыку дети. В этих церквях практикуются массовые и публичные молитвы – эти воистину роботоподобные излияния своих чувств и переживаний, в конце которых вы услышите громогласное «Аминь». Молитву непременно заканчивает лидер, чтобы показать свою власть над массой – ибо последнее слово всегда остается за властелином, в противном случае он рискует столкнуться с конкуренцией. Как правило, в этих церквях можно сидеть. На наш взгляд, это *единственное* преимущество перед другими церквями и *единственная* заслуга всей этой Реформации. На лекциях можно поспать – вас редко когда толкнут в бок, ибо нетолкающие сами устали от этой скуки и вполне вас понимают. Сами лекции, как правило, сухи и бездарны, целиком украдены из других книг, в основном из Библии. Иногда вы услышите нечто стоящее, о чем можно было бы подискутировать, но всяческие инакомыслия и а ргіогі пустые разговоры пресекаются на корню. В отличие от православной и католической церквей, основной упор здесь делается на *знание* Библии. Поэтому вы обязательно увидите различные брошюры, настенные надписи и пр. мишуру с библейскими цитатами. В принципе, люди, на наш взгляд, в этих церквях более счастливы. Это вызвано погружением в некий идиотизм, иссушением мозга и способности иметь свою точку зрения. Способность критически мыслить среди массы не приветствуется, ибо массе не свойственно брать на себя роль учителя. В основном же все это скучно и неинтересно даже для прихожан, которые ходят в эти церкви скорее по привычке и дабы зарядиться очередной недельной порцией оптимизма, нежели из-за честной заинтересованности.

В каждой церкви молятся *по-разному* и молятся *разному*. Православные, как утверждается в православном богословии, молятся образам, в которых они видят формы божества и его святых. Поклонение происходит не *сущностям* образов, а их формам, которые непременно были у живых прототипов этих образов. Православные при этом делают вывод о необходимости подобного поклонения для духовной жизни. Однако, как может обнаружить любой честный исследователь, на деле все обстоит несколько иначе: представители православной массы все же молятся именно сущностям образов, т.е. непосредственно тому, что есть на самом деле – если это деревянная икона, молятся обязательно *иконе*, если крест – молятся *кресту*. Т.е. не формам как некому земному прообразу небесных форм, а конкретному предмету. Протестанты же молятся Библии. Они также лгут, говоря, наподобие православных, что Библия есть всего лишь слово божье. Всего лишь слово божье! Право, какая невинность! Протестанты готовы жизнь отдать за это слово божье. Им не нужен даже Бог, а только лишь вера в истинность Библии. Все протестантское безобразие построено только лишь на Библии. Библия для них есть панацея от любых бед. Есть проблемы – ищи ответы в Библии; тебе плохо – Библия поможет; ты одинок – Библию в руки; развелись тараканы на кухне – тяжелый томик Библии и здесь пригодится...

Дамы и господа, мы никак не можем обойти экономическую составляющую церковей. Знаете ли вы, что если вы будете христианами, то будете отдавать определенную часть своих трудом добытых денежных средств на содержание вашей берлоги? Протестанты берут честно и нормированно – одну десятую от вашего дохода. Православные предпочитают не ставить твердые ставки – ибо зачем это делать, если вытянуть из чужого кошелька можно куда больше? Православные платят за все – скоро начнут платить за церковный воздух и вход в церковь. Они *уже* рассадили калек с протянутыми шапками вокруг своих приходов. На эти деньги кормятся лидеры, и только лидеры. Давайте немножко пофантазируем. Предположим, вы *сошли с ума* и вдруг стали протестантом. Вы имеет доход, скажем, в 15 000 рублей. 1 500 рублей вы будете обязаны выложить на поднос, который каждое воскресенье проносят по аудитории. Если вы не заплатите – вы совершите страшнейший грех, а грешить в церкви христианину не положено. Предположим, вы входите в общину общей численностью 100 человек. Суммированный общий доход этой массы составит 150 000 рублей. Таким образом, выполнив совсем нехитрые расчеты, мы придем к выводу, что лидеры получают от этой массы 150 000 рублей в месяц. Совсем неплохой бизнес! При том безделье, в каком нежатся лидеры, изредка один раз в неделю почесав языки перед публикой, получить такой куш совсем неплохо. Однако чтобы бизнес функционировал в полной мере (как, например, у нео-харизматов), лидеру просто необходимо чем-то зацепить массу, чтобы держать ее в своих руках. Это достигается либо созданием повышенного чувства долга перед своей церковью, либо простым бичеванием грехом и запугиванием адским огнем. Если вы *потеряли голову* и стали православным, можете отделаться меньшей суммой – но можете и большей, т.к. *цена спасения* в православии не нормирована. Скупая восковые свечки за 5 копеек и продавая, предположим, по 1 рублю, церковь с одной свечки зарабатывает 95 копеек. Как правило, масса у православия куда больше, чем у протестантов. Давайте поразмышляем. Предположим, мы имеем массу общей численностью в 20 000 человек (необязательно, чтобы эта масса была

сконцентрирована в одном месте и в одно время – в православии отсутствуют прихожане только лишь по будням; по большим праздникам количество желающих спастись оказывается куда больше этого). Каждый из них обязан купить и поставить как минимум одну свечку – мы делаем самые скромные подсчеты. За один присест церковь получает только на продаже свечек 19 000 рублей чистой прибыли! Конечно, мы не забудем заплатить священнику за его молитвы (на данный момент одно слово молитвы составляет сумму в 5 рублей – прямо-таки телеграмма Господу Богу!), не забудем выложить разным побирушкам по рублю или два, купить календарики и мини-иконки с изображениями святых и прочих *castrates* и при выходе положить в денежный ящик пожертвования. Притом, что наши одуревшие депутаты освободили от налогообложения религиозные организации! Дамы и господа, готовьте свои кошельки, ибо билетик в рай не так уж и дешев! Есть над чем задуматься...

13.

Но давайте еще остановимся на внутреннем убранстве храмов и церквей. Скажем больше – внутренняя отделка прямо показывает внутренний мир верующего. В православной и католической церквях все усеяно росписью, статуэтками, иконами и прочими видами церковного творчества. На стенах и потолках почти нет свободного пустого места – так и душа этих людей полностью опутана символами и идеями католико-православного фетиша. В душе этих людей также нет свободного места для чего-либо другого – они *почти обречены* жить христианами, не имея ничего конкретного и фактического, кроме красочной мази на стенах своей берлоги. В протестантизме наоборот – голые и сырые стены, ничем не украшенные, кроме скудных цитат из Библии, да и то не всегда. Вошедшему человеку не на что взглянуть, ибо голые и пустые стены не привлекают взгляда. Единственное зрелище – это сама масса и ее лидер. Подобные *уловки* целиком концентрируют внимание массы на лидере, не отвлекая и не растворяя ее в океане символизма. Пустые души, пустые умы – так же, как и их стены, с одними лишь цитатами из Библии в голове. Скучно, господа, скучно...

Разумеется, каждая уважающая себя церковь – а в наше время *не* уважающих себя вы просто не найдете – озабочена церковным *образованием* своей массы. Образование! Эти кощунники смеют называть изучение своего умопомешательства образованием! Разве это *образовывает* человека? Разве подобное просветляет? Подобное только запутывает умы, растаптывает свободный дух и превращает человека в лекционную проститутку, весь смысл жизни которой сводится к зазубриванию догматизма и библейских стишков. А церковное богословие, предание и прочие *почти-еврейские-сказки* есть всего лишь профанация истории и человеческого естества. Церковники очень любят с умилением рассказывать о подвигах своих святых и прочей *нечисти* – при этом сами эти святые дела не могут совершить. Более того, мы скажем, что и их святые в свое время вот так же сидели и, умиленно улыбаясь, рассказывали о деяниях *других* – а значит о собственном бессилии в первую очередь. Ведь, право, неужели вы святые? Сделайте чудо! Но нам в ответ всегда одно: *воля Божья*. Как же, как же, господа – мы забыли о *чудесах*! Иконы плачут, некоторые просто рыдают, огонь с неба сходит, землетрясения и прочий природный балаган! Да что далеко ходить – жизнь человека уже есть чудо! Особенно жизнь калеки, который единственное счастье видит в смерти...

Нет ничего более лживого, чем слова, исходящие от церкви. Что есть церковь, как не жалкая тшедушная пародия на общество, притом на *больное* общество. Знают это и церковники – ибо невозможно *современному* человеку, даже больному христианством – ибо мы говорим, что христианство есть *болезнь* – быть *вне* общества и *без* общества. И из церкви сделали общество, простите за неуместное слово. Но скажем более, что это общество регресса, ибо церкви чужда любая идея прогресса. Более того, всем своим бытием, всей своей жизнью церковь показывает, что она находится как бы *вне* прогресса, призывая стать на свою сторону остальных людей. Что это, как не degeneration человечества? Да и не может по другому мыслить castrate, ибо его сущности чужда любая идея развития, т.к. он сам, *уже* здесь и сейчас, более не способен ни к какому развитию. Право, несчастнейшие из людей – они целиком и полностью замкнулись на своей болезни, заменив одну заразу другой – заменив свои человеческие, и потому естественные, увечья христианской кастрацией ума. Человек в церкви практически *обречен* на отупение – он уже при жизни стал мертвецом, действуя и мысля, подобно мертвецу, а именно - *никак*. Церковники призывают к *действию*, при этом всей своей жизнью показывая только лишь *бездействие*. И как они не видят и не чувствуют разницы! Просто поразительно! Разве можно считать *действием* покорность овцы? Смирение христианина, этот краеугольный камень христианства, есть не действие, а пассивное бездействие – и в этом церковники видят величайшее благо! Более того – бездействие ко всему, даже к несправедливости. Христианин иссушается *этим*, он становится внутренне дистрофичен и уже более не способен жить с *нами*, в *нашем* обществе. Ему только лишь один выход – церковь, ибо место мертвеца только лишь в гробу, только лишь в могиле...

И вот это умиленное и озлобленное существо, попав в *свою* среду и культуру, о которых он бредит, начинает *мстить* тому обществу, в котором он не мог полностью отдаться своему сумасшествию – т.к. то общество *мешало* своей нормальностью. И мечь его есть упрек других в *нормальности*, ибо он знает, что сам уже не нормален, не от мира сего...

Прочь, прочь от нас – идите в пустыни, в пещеры; последуйте за своими кумирами, избавьте нас от вашего зловония. Ваши слова прогнали насквозь – нам они противны, ибо мы знаем, что вы хотите пополнить свою армию, видя даже в *нашем* обществе подобных себе. И неужели мы отдадим наших товарищей на съедение этим волкам? Мы не допустим, чтобы они заболели – и лучшее лекарство есть профилактика. Наши слова – это профилактика умов, которые поглядывают в сторону церкви. И мы знаем, что *люди* никогда не станут христианами...

Однако уже есть больные – уже две тысячи лет мир болеет еврейским сумасшествием, которое выплеснулось в лице Христа и апостолов во все народы и во все страны. И уже есть церкви – эти *больницы* грешных душ, как говорят они. Мы же говорим, что это крематории здорового ума и здоровой морали – ибо церковь умеет только умертвлять и подготавливать к *будущей жизни*, измываясь над жизнью настоящей. И опять эти слова – *потом, будущее, царство божье*. И чтобы христианин не питался одними обещаниями, не взбунтовался и не сказал, что пресыщен ими и надеждой непонятно на что, *выдумали* церковь и церковную жизнь. Христианин не может *существовать* вне церкви – это самоочевидно, ведь *где* он сможет существовать не иначе, как в *alma mater*? Подобие, как известно, всегда тянется к подобному – и христианин, этот castrate, всегда будет тянуться к *христианству*, т.е. к церкви, этой кастрации естества.

Но сколько этих крематориев развелось нынче! На любой вкус и цвет! И каждый кричит, что истина у них! *Истина!* Эти жители подземного мира еще смеют употреблять это слово! Верх цинизма – все перемешалось и стало с ног на голову. С каких это пор в религии появилась *истина*? Не с тех ли пор, как появилась церковь? Не с тех ли пор, как появилась *христианская философия*, а если быть точным – *церковная*? Нет более безобразного словосочетания, чем христианская философия – ибо христиане суть идиоты: им противен здравый смысл. Философия, настоящая и искусная в своем видении мира, никогда не была и не будет христианской, так же, как золото никогда не превратится в дерево. Христианство не философично. То, что *существует в христианской реальности* есть всего лишь надежды философов-дураков, *уставших* от своей философии. Скажем более – они и никогда не были философами, а просто *играли* в философию. И то, что они стали христианами, тому лишь подтверждение – этим они подписались под собственной дуростью и невежеством. Вы когда-нибудь почитывали таких философов? Их можно только *почитывать*, ибо читать это просто невыносимо. Всегда писали и пишут *о чем-то*, никогда не писали *что-то*. Это подметил Бердяев – но лгал, ибо утверждал, что были времена, когда христиане писали *что-то*. Христианская философия – это выродок истории. Именно благодаря христианству философия зашла в тупик – она ушла в область абстракции и стала непонятной *даже* современникам. За что любили и любят философию, так в первую очередь за ее *конкретику*. Христианство же все опошлило и подмяло философию под себя, сделав ее собственной рабой. И более того – философия *уже* не популярна. Ее заменили фантастика и футурология – и по праву, ибо там надежды имеют хотя бы какую-нибудь потенцию сбыться, в отличие от пустых обещаний церковников. Вся церковная писанина *догматизирована*, и, что самое скверное, она не приемлет скепсиса. Любую противную точку зрения она клеймит *дьявольщиной*, всячески осуждает и оплевывает, тем самым лишая философию ее колоссальной ценности – *свободы*. И мы говорим, что христианство и философия не имеют ничего общего, и никогда не имели – ибо у них разные *ценности*. Если философом может быть только *свободный* ум, то христианином может быть только лишь *порабощенный* умишко, догматизированный и болеющий априоризмом. Единственный аргумент, выдвигаемый в пользу истинности собственного безумия, есть только «*так говорит Господь*», как будто Господь еще умеет разговаривать. Argumentum ad hominem, господи...

15.

Но нам предложили шахматную партию, где на кон поставлена судьба человека, судьба его сущности. И эта партия за нами. Наш ход! Профанация, аморальность, извращение естества – ложь, святая ложь. Шах! Защита: *так говорит Господь*. Мат: Бог умер...

Но жива церковь. И церковь не играет в шахматы. Однажды объявили, что церковь есть наместница Бога – тем самым церковь превратилась в абстракцию. *Что есть церковь?* Кто ответит? Молчание – и только лишь идиотское умиление.

В церкви *своя* особая индивидуальная атмосфера. Подобную атмосферу имеют стены судов, тюрем и больниц. Кто хотя бы раз был там, безусловно, меня поймет. В церкви такой же дух затхлости и мертвечины. Весь воздух там пропитан христианской моралью – моралью с двойным дном. Эту атмосферу можно почти нащупать руками, ее можно почти увидеть – ею пропитан каждый кирпич, каждый стул, каждый предмет церковного театра. Войдя в эту берлогу, мы

пропитаемся её запахом, и даже возможно, что от этого нашего поступка кто-то станет христианином, почуяв сей дух. Дух, так близкий некоторым – дух упадка и регресса человеческой сущности. Христианство может размножаться *даже* такими извращенными способами – на непринятии этой еврейской ереси другими. Церковь такого *человека* моментально признает негодным во всех отношениях – в первую очередь в отношении к церковному фетишу. Этот человек становится *критерием* церковной правды – он становится дьяволом и образцом, *наживкой*, для других овец, призванным показать на своей шкуре антипод Бога и святого. О, как к этому методу любит прибегать церковь! Мельничные жернова *церковной правды* уже не одну сотню лет – две тысячи лет! – размалывают свободные умы. И уже сейчас наше общество плавно, но становится *христианским*. – И близится обещанный церковниками конец света, ибо со смертью последнего антихристианина умрет мир: он просто захлебнется в собственных нечистотах, которые суть христианство...

Но церковь! Церковь, эта канализация человеческого духа, потворствует разложению человека! Его *уже* разложили на компоненты – на плоть, дух и душу. Его *уже* сделали греховным, испытывающим вину по отношению к божеству. Его *уже* поставили на колени и внушили иллюзию, что он в действительности парит в небесах и касается рукой солнца. И церковь – лакомый кусок для грязных политиканов, стремящихся любыми средствами повысить собственный рейтинг. Правда истории: государство всегда использовало церковь для поднятия собственного престижа. Начиная от первых апостолов и самого Христа, *гонениями* оно потешало инстинкты толпы. Отправляя их на арены амфитеатров, государство *выслуживалось* перед обществом. Затем, когда церковь метастазировала до громадных размеров, государство начало целоваться с папами, показывая уже христианизированному обществу свое *единство* в духе. Церковь превратилась в подобие костылей для больного мира. И сейчас одно и то же – церковь используют, и будут использовать, вместо того, чтобы вынести вердикт, отнять эти костыли и сделать общество здоровым, *ходящим на своих двоих*. Но и церковь *использует* государство. Имея государственное влияние, она эффективнее отравляет умы современников, не оставляя им шанса на *будущее*, ибо будущее не совместимо с христианством, где все так или иначе упирается в тупик. Проклятье этому симбиозу от нас! И проклятье нам от этого симбиоза!..

16.

Но когда же настанет время, чтобы *вершить* приговор этому безобразию? Мы обязаны упразднить церковь, эту колыбель человеческой *degeneration*. – Как иначе человек станет взрослым и достойным *жить* во Вселенной, а не только смотреть на звезды? Однако мы знаем, что церковь все еще сильна – она снова начинает набирать силу, после чего «лопнет» окончательно и бесповоротно. Она *уже* допустила ряд величайших ошибок – и не могла не допустить. Одна из этих ошибок есть ошибка собственного *средства*. Раньше всецело говорили, что церковь глаголет истину, а священник – правду. Но мы знаем, что все обстоит иначе: церковь врет, а священник лжет, обманывая себя и других. И мы знаем также, что панацеею от смерти *во лжи* церковь и священство видели в вере – и она их спасала, и будет спасать еще не один десяток лет. *Но* церковь то ли поглупела в своем коварстве и хитрости, то ли наоборот поумнела – но она начинает отгораживаться от своей заплаты, выставляя перед почтенной публикой свои ничем *уже* не прикрытые дыры. Она начинает говорить об интеллектуальной *честности*, о *знании* в самом

точном смысле слова, о собственных ошибках, правда пока только лишь гипотетически возможных. Церковь хочет стать *ученой*, забывая и отвергая уже в наше время веру. Это вынужденный шаг – ибо как же церковь останется на коне, когда наши современники не настолько глупы, чтобы все принимать на *веру*, да притом религиозную, да притом еще и церковную? Разделилось церковное царство в себе самом... Но что мы получим? Смерть церкви, т.к. она предала саму себя в лице отвержения веры? Или окончательное господство сумасшествия, полностью перевернутые понятия об истине и лжи? Никто не знает, но только лишь время...